

Антон Ворон
Ольга Ворон

Край света

СТЯЖИ ДУХ МИРЕН -

И ВОКРУГ ТЕБЯ СПАСУТСЯ

АНТОН Ворон

Край света

«Издательские решения»

Ворон А.

Край света / А. Ворон — «Издательские решения»,

Край Света. Край Тьмы. Это один край. И понять это предстоит Николаю Кадышеву — чемпиону боёв микс-файт, волею судьбы оказавшемуся на берегу Японского моря в зоне строительства сейсмологической станции. Он не просто боец и дерётся здесь не за чемпионский пояс. Цена каждого боя — чья-то судьба. Но главный бой Николая ещё впереди. Бой за край света.

Содержание

День первый. Край света	6
День второй. Оборотень	18
День третий. Дырка бублика	39
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Край света

Антон Ворон

Ольга Ворон

© Антон Ворон, 2016

© Ольга Ворон, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Стяжи дух мирен – и вокруг тебя спасутся.

Преподобный Серафим Саровский

Когда Небо хочет возложить важную миссию на человека, оно вначале ожесточает его сердце, заставляет его до предела напрягать кости и сухожилия, заставляет тело его страдать от голода, повергает его в нужду и нищету, обрекает на неудачи все его начинания. Тем самым Небо укрепляет волю человека, закаляет его как сталь и делает его способным к выполнению того, что при иных обстоятельствах он был бы не способен выполнить.

Мэн-Цзы

День первый. Край света

*[Будто] дымкой вершину утеса
Застилает мой взор пелена.
Где мудрецы,
[что] укажет мне Путь?¹*

Тася всю дорогу беспокоилась. Носилась по клетке, стучала, шуршала, даже кидалась на прутья, требуя деятельного участия в своей судьбе. Но я только иногда оборачивался и просовывал руку между передними сиденьями тряского «уазика», чтобы успокаивающе постучать по коробке. Тесно было – ни коробку на колени взять, ни самому к ней перебраться.

Водитель попался китаец. Ещё в аэропорту он успел надоесть безумной радостной улыбкой с провалами среди жёлтых зубов и долгоиграющими объяснениями на исковерканном русском. И первое, что я сделал, когда мы, наконец, сели в машину, это легонько ткнул его лицом в стекло двери. Мужичок пискнул, и сжался, прикрывая голову. Он всё понял правильно, и его ассиметричная оскаленная улыбка сменилась глубокой задумчивостью. Убедившись в том, что я больше не подаю признаков раздражения, он, молча взялся за руль трясушимися руками и завёл мотор. С тех пор он смотрел на дорогу, не отрываясь, и даже ругался боязливо шёпотом, когда уазик заваливало на горной дороге. И я мог, сколько вздумается, смотреть на пейзаж за окнами.

Но сквозь мутное, забрызганное грязью стекло мир казался таким же мутным и грязным. Унылыми, обезличенными тянулись болотные низины и хвойные горы, и такое же унылое, безбожное висело над ними небо. И с чего я придумал себе, что тут будет хорошо? Спокойно – может быть. Но хорошо... От себя же не сбежишь. Да?

Машину здорово трясло, и оттого меня клонило в сон. В самолёте заснуть не смог, а тут будто приспичило. Но, закрывая глаза, тут же одёргивался – не прошло ещё, не прошло... И неведомо, когда сгинет проклятое наваждение. Костян сказал на прощание: «Пара дней – и смена обстановочки мозги прополощет, как простынку!». Может, и прав. По такому миру – и мысли должны стать унылые, серые, тяжёло-влажные и холодные. А и пусть! Всё лучше, чем в чёрно-белом калейдоскопе сизые пятна. Костяные, упрямые, сволочные.

– Просыпай! Просыпай! – шепеляво долдонил китаец, бешено вращая баранку, чтобы удержать машину на размокшей в белую сметану каменистой дороге. – Приехали!

И так у него получалось говорить, словно наши слова, русские, разбивал на свои китаёзские иероглифы: «вин-пин-чунь», «чунь-пинь-вень» – «при-е-халь», «про-сы-пай». Вот говорилка китаёзская!

Я потянулся, выправился на кресле и посмотрел вперёд – там, в низине, куда мы съезжали, дорога упиралась в «зону GT-17». Виднелись однотипные серые бруски зданий и в полтора человеческих роста бетонная ограда с редкими вышками.

За спиной коробка затихла – видимо, Тася за обещанные четыре часа дороги вконец измаялась и прилегла где-нибудь в уголке, тяжело поводя боками и смотря несчастным взглядом на дырку в крышке коробки. А может и задремала, как я, так же измученно и никчёмно – всё равно чувство отдыха от такого сна не получишь.

Когда подъехали ближе, стала видна стройка, из-за которой и возникла «зона GT-17». Пара «Камазов» смотрелись детёнышами рядом с экскаваторищем, опустившим ковш на платформу. Машины, бетономешалки. Два крана и несколько десятков огромных бетонных колец.

¹ Все используемые в произведении хайку взяты из книги «Японская поэзия хайку XVI – XVII веков». Автор стихов неизвестен. Авторский перевод Дмитрия Серебрякова.

И – ни одного рабочего. Только тусклый свет пробивается через окна бараков да на двух видимых вышках стоят автоматчики.

А вокруг тянулась странная, цвета лишайника, бетонная стена с нацепленной сверху колючкой. Частые дожди изъели проволоку, и они закапала ржавой водой стену – вот и получились подтёки. Грязные жёлтые, оранжевые, бурые и серые пятна въелись в бетонные плиты, создав ощущение валунов, заросших мхом и лишайником. И только подъехав ближе, можно было понять, что стена не мохнатая, не мягкая, как это бывает с обросшим камнем, а попросту крашенная ржавой водой.

– Приехали! – повторил китаец и, не сбавляя скорости, направил «УАЗик» в своевременно распахнутые ворота.

Пока я вываливался из машины, с интересом осматривался вокруг, пружинисто перекачиваясь с пятки на носок, заставляя скрипеть неразношенные берцы и нить уставшие от безделья ноги, пока вытаскивал из багажника рюкзак-сотенку, ящики, пока доставал чехол с грифом и бережно выносил коробку с Тасей, рядом организовалась нервничающая группа встречающих. Одетые в камуфляж люди топтались, бросая взгляды друг на друга и на меня, и чувствовалось, что моё появление здесь ожидаемо. Видимо, Костян успел рассказать многое. Трепач эдакий!

Один из встречающей делегации не выдержал.

Подошёл со спины, когда я присел над коробкой, заглядывая в дырку, стремясь увидеть, что там делает Тася.

– Кадышев Николай?

Я обернулся.

Это был маленький человек. Наверное, такой же маленький, как тот китаец-води́ла. Хоть и белый. Потому я даже не стал подниматься. Иногда хорошо смотреть на людей снизу вверх.

– Я.

Глаза у человека стали злые, острые.

– Я! – пересмешничал он. – Докладываться надо!

– Ну.

Если на человека смотришь спокойно, то сразу видно, какой человек внутри. Если он тоже спокойным делается – значит, человек хороший. А вот если начинается суетиться, затаить или, наоборот, яриться – значит, дурак. Или злой дурак.

– Баранки гну! – рявкнул он. – Жопу поднял и к командиру!

И...

...пнул коробку.

Футбольный замах.

Берец вминает картонку.

Коробку отбрасывает.

Впечатывается в стену барака.

Истошно верещит Тася.

Визг сменяет хрип и бульканье...

И...

...собрался пнуть коробку.

Внутри всё слилось в единый вдох ненависти. Огонь!

Переместился, не поднимаясь. И саданул кулаком под уже распрямляющее голень колено. Трах! Кулак повело в одну сторону, ногу в другую. Мужик навернулся, шлёпнулся рожей в грязь и, заверещав тонко, как только что в моём сознании пищала Тася, обнялся с ногой.

А в голове пульсировало: взмах, удар, боль....

Пока подскакивали другие, я уже успел подняться. Трое тут же взяли меня на прицел и суетливо отделились, а двое подскочили к мужику и, живо повернув его на спину, за лацканы оттащили подальше. Профессионально, шустро.

А в голове моей всё так же: взмах... удар...

Ступня в грязном сапоге нелепо болталась, штанина в месте удара взбухла, но крови не было. Значит, не открытый.

– Чёрт. Чёрт. О господи! Чёрт. – Повторял мужик, а по лицу текли слёзы и пот, размывая грязевую маску.

А в моей голове пульсировало: взмах, удар, боль...

– Сука, лежать! На колени! Стрелять буду! – ярились люди, нервно сжимая оружие.

И я стоял, не шевелясь. В сознании всё пульсировало.

Огонь внутри ещё бушевал, но снаружи оставался холод.

– Отставить!

На балконе третьего этажа административного здания стоял невысокий, осанистый, бородатый человек. С чёрным взглядом, выправкой офицера и в сером «комке», утянутом ремнями. Вдоль левого бедра висела кобура, вдоль правого – стек. Вылитый «Фидель Кастро»! Его взгляд выдавал бесспорного лидера, монарха среди военных. Он придирчиво осмотрел происходящее и безразлично сказал скулящему в обнимку с ногой помощнику:

– Ты, Берг, не хами незнакомцам – вот и «ноу проблем» будет.

Взглянул на меня и двумя сложенными пальцами, словно старообрядец перстами, с нажимом провёл по уголкам губ, – сперва с одной стороны, потом с другой, – придавливая и укладывая жесткие волосы бороды. И кивнул:

– Иди сюда, Кадышев.

И так сказал, что не подчиниться стало не вмоготу.

Я пошёл. Только коробку подцепил за ручку. Тася – умничка – сидела тихо, даже не шуршала.

На крыльце оглянулся и увидел напряжённых автоматчиков на вышках, суету возле скулящего Берга и ещё – за пыльными окнами барака разномастные рожицы, прижавшиеся к стеклу. В каждом окне – штук десять. Одно над другим, одно над другим, будто только лица плавают, а тел и нет.

Полы деревянного трёхэтажного здания от крыльца до самого кабинета «Кастро» скрипели подо мной, но разваливаться не спешили. Старой, советской ещё постройки дом даже в неласковом дальневосточном климате сохранил запах дерева, его мягкую упругость и прочность.

В кабинете «Кастро», присев на край своего стола и попеременно оглаживая двумя пальцами то одну сторону бороды, то другую, задумчиво-рассеянно оглядывал меня. А я озирал комнату, не утруждаясь стоять навтыжку – ещё чего! Над столом карты, на столе компьютер, в шкафах папки, на полке бутылки с коньяком разных марок. За небольшим столиком – скорее даже партой школьной – сидел молодой увалень богатырского роста, но изнеженных мышц, и, смотря исподлобья, стискивал теряющуюся в кулачище авторучку. Книг не было. Совсем. Только толстые журналы отчётности торчали лохматыми корешками из кучи бумаг на тумбе. Жизнь как-то сразу поскучнела.

– Костян писал, что твои габариты меня поразят, но чтобы так... – «Кастро» покачал головой.

Я не ответил. Да, такая прокаченная масса мышц при огромном росте и весе – это редкость. Хотя бывало, встречались и такие, что были мне под стать. Но говорить об этом не стоит. Не та тема.

Он сообразил, нахмурился и спросил:

– Что делать надо Костян рассказал?

Теперь и я разлепил рот:

– Бить особо борзых.

«Кастро» степенно кивнул и широко махнул на окно:

– Здесь край земли. И тут мы строимся. Охраняем объект и организуем стройку. Пашет тут всякая узкоглазая шваль. Они воруют, лынят, забивают и бегут. И наше дело – заставить их работать. Понятно?

– Да.

– У этих недочеловеков, – «Кастро» остро глянул на меня. – Мозги обезьян. И они веруют в свой «путь война». И чтобы и нашим, и вашим, то закон здесь такой: встречаются на площадке двое. Кто ушёл своими ногами – та партия и победила. Тот закон и принимаем. Так решаются все вопросы – от того, сколько каши в порции до того, кто и как будет командовать. Ясно?

– Да.

«Кастро» хмуро посмотрел на меня, потом на своего секретаря, потом снова на меня. И, кажется, понял, что его тревожит.

– Дратся приходилось? – спросил он.

– Да.

– Серьёзно махался или звездишь?

– Золото по версии «фа-комбат» пять лет подряд.

– Чего? – «Кастро» встряхнул головой, словно просыпаясь.

– Бои без правил.

И всё равно он не понял. Посмотрел на меня, потом перевёл взгляд на увальня. Тот подобрался, приподнялся подобострастно и выпалил:

– Это, понимаете ли, как «Восьмиугольник», как «Панкратион» или другие бои без правил. Понимаете ли, все виды борьбы сразу. Можно и кулаками, и бороться. Сейчас очень модно. Много бойцов известных. Как в «М-один». Волк Хан, Сулоев, Емельяненко, Разбоев. Понимаете ли, спортивная драка, где всё можно.

– Всё? – усомнился «Кастро».

И правильно усомнился.

– Яйца не отрывать, глаза не выкалывать, позвоночник не ломать, горло не перебивать, висок не перешибать, – заучено повторил я вечную формулу тренера.

СанСаных обычно так напутствовал перед выходом на ринг, после чего следовало: «Аминь, твою мать», – и дружественный тычок кулаком под лопатку.

«Кастро» покачал головой и посмотрел на меня, как на душевнобольного:

– Всё это тут и делают.

Я ответил:

– Пусть пробуют.

Он снова провёл двумя пальцами по бороде, и вдруг ухватил себя за волосы на подбородке и медленно, отдельно, словно гвоздями в темя вколачивая слова, яростно зашипел:

– Ты чего-то не вкуривашь, паря... Это ты будешь делать! Ты, а не они! Мне тут бои, что по правилам, что без правил нахрен не нужны! Понял?

– Понял.

– И слушаться будешь, как маму родную! Скажу яйца оторвать – будешь рвать. Понял?

– Понял.

– Тут только мои правила. И ничьи больше. Понял?

– Понял.

С минуту изучая мою каменную рожу, «Кастро» успокоился и, скрестив на груди руки, задумчиво переспросил:

– Значит, типа Емельяненко, говоришь?

Я не отреагировал. Это же не я говорил. Значит, и вопрос не мне.

– А что... Действительно, похож, – он задумчиво оглядел меня, склоняя голову то на один, то на другой бок: – Только рожа больше мятая и ростом вроде как повыше.

Он усмехнулся, отпустил бороду и кивнул:

– Будешь Емелей! – и помощнику: – Регистрируй.

Я пошёл к увальню, плюхнувшись мягким местом на стул, а «Кастро» – к заветной полочке с коньяком.

– Фамилия, имя, отчество, адрес...

Когда секретарь аккуратным почерком неторопливо заполнил необходимые графы и забрал мой паспорт на хранение, клетка у меня в руке начала шевелиться. Видимо, Тася проснулась. А может запахи не понравились. От увальня несло одновременно и сивухой, и отвратительным душком грязного тела, залитого одеколоном.

Не поднимая глаз от журнала, увальень монотонно объяснял:

– Барак охраны слева от входа белое здание, кликнешь начальника смены, он тебя разместит. Там сейчас Чахлый дежурит. Мужик такой низенький, морда, как кулак – узнаешь сразу. Зовут Ерофей, но тут имена не в ходу – либо по кличке, либо «товарищ командир». И поаккуратнее с граблями – он тоже не дурак поддаться. За формой и постелью сходишь на склад, это...

И тут коробка грохнула! Словно петарда взорвалась.

Увальень подпрыгнул и застыл с остекленевшими выпученными глазами и рукой, так и не показавшей направление на склад. «Кастро» задержал стакан перед ртом и задумчиво посмотрел в нашу сторону.

– Это что это, а? – повышая голос, начал увальень.

– Тася чихнула, – честно ответил я и поставил коробку на стол прямо перед ним.

Тот отодвинулся и встал с места. Спокойствия ему это явно не прибавило – я всё равно высился над ним на полголовы, а прямо перед пахом лежала странная коробка. В глазах парня явно читалось желание расслышать – тикает она или нет.

Я сдёрнул узел с бечёвки и развалил на стороны картонные борта.

Тася сидела в единственном незагаженном углу клетки и, живо шевеля носом, оглядывалась, подслеповато щурясь на свет.

Увальень сплюнул:

– Тьфу-ты, в ноги душу! Крыса!

– Шиншила, – поправил я.

– Воротник сучий! – рявкнул увальень. – Чтобы на объекте у меня гадости этой не было!

Я не ответил.

Потому что...

«Кастро» подошёл.

Стукнул костяшкой по клетке.

Улыбнулся.

Сказал.

И.

Потому что...

Словно водой окатило. Тело напряглось в ожидании ярости и тут же расслабилось.

«Кастро» подошёл ближе и начал любознательно оглядывать Тасю. Довольно ухмыльнулся в бороду – сегодня он получил сразу две диковинки в свой зверинец. Постучал по клетке костяшкой – Тася фыркнула и повела ушами. Чистоплотная старушка не позволила себе замызгать шерстку даже в тряске долгой дороги, поэтому смотреть на неё было одно удовольствие – волос по всей длине менял цвет, давая бархатный индиговый оттенок, а пушистость делала её похожей на клубок богатого меха.

– Да пусть её, – усмехнулся «Кастро». – Животина безвредная.

И ушёл к своей бутылке.

Увалень сглотнул и сел на место.

– Кусается? – мрачно спросил он.

– Нет, – сказал я.

– Что жрёт?

– Я привёз.

Увалень посмотрел на меня исподлобья и сообщил:

– Чтобы из клетки не воняло! Я тут живой уголок в бараке держать не стану, понял?!

Тася забеспокоилась, засуетилась, и я положил ладонь на прутья и наклонился к увальню.

В конце концов, мне здесь работать. А Костян хорошо напутствовал меня. Почти как СанСаныч. «Аминь, твою мать» – единственная формула, которая здесь будет работать всегда и на всех. На своих, в том числе.

– Тася, – начал я неторопливо, тупо, словно в пустоту перед собой: – Породистая шиншилла. У неё окрас редкий. Давно у меня. Меня любит очень. И я её очень люблю. И очень ухаживаю. Потому что она беззащитная, ничего сделать не может. А я – могу.

– Ты чё не понял?! Крысу свою съе... – увалень опять вскочил с места.

А я тупо продолжал говорить, не подняв взгляда на вставшего:

– Я не могу, когда ей плохо. Дурею я. Сам себя не понимаю. Дурак дураком!

– Ты чё мне лепишь? Чё лепишь?

– Когда вокруг шумят, она пугается. А у неё животик слабенький. Она гадит начинает.

Я бубнил без выражения, а увалень уже бычился, собирая кулаки:

– Ты чё, не понял?! Ты чё идиот?!

– И тогда я бешусь, – спокойно закончил я и поднял глаза.

– Ты ...!

Может он чего бы сказал ещё. Только тут у Таси действительно не выдержал живот, и тёмная струя брызнула на сетчатое дно клетки. Шиншилла, сама стесняясь получившегося конфуза, юркнула в угол поближе ко мне.

А увалень остановился с открытым ртом, впервые поймав мой взгляд. В глазах у него появилось новое выражение. Словно кнопку «пауза» нажали.

– Брейк, – хохотнул «Кастро», забрасывая ноги на свой стол. – Брынза, посели его к Профессору. Там его крыса может гадить, сколько в неё влезет!

«Брынза» опустился на место и, не поднимая глаз, монотонно объяснил мне, куда я должен пойти, чтобы найти Профессора.

Оказалось, не далеко.

Плоское одноэтажное здание в трёх десятках метров от административного корпуса и оказалось искомым. На входе красная табличка с гербом Советского Союза утверждала, что тут находится региональная сейсмологическая станция номер такой-то.

Я перешагнул через порог и оказался в тёмном коридоре, едва освещаемом сумеречным светом заходящего солнца из дверного проёма. Но что-то разглядеть всё-таки было возможно. Например, скудность, нищету и грязь. Мозаика пола была загажена многолетними наслоениями грязных следов, а со стен смотрели портреты учёных, подобные фотографиям на памятниках заброшенных могил – неживые, плоские, запылившиеся и беспомощные. У входа ещё были слышны звуки, несущиеся с улицы – чей-то говор, перестуки, перекличка автоматчиков на вышках, шум дизеля рядом с электростанцией, кашель движка вездехода, – а дальше в сумраке коридора звуки исчезали, скорее даже растворялись без остатка, становясь чем-то иным. Не материальным, а мистическим.

Неясный сизый свет едва пробивался в самом конце коридора. Он бил из проёма снизу.

Я ступил на мозаику пола и позвал в темноту:

– Профессор!

Дверь за мной захлопнулась, гулко ударившись, и плоско шлёпнув сжатым воздухом по спине. Стало совсем темно.

Тася в клетке засуетилась и запищала.

– Тихо, – сказал я и привычно выбил морзянку пальцем по коробке – старушка пришипилась.

Я пошарил по стене в поисках выключателя, но безрезультатно. Оставалось только идти на свет. Поправил лямку рюкзака, чтобы не сползала по гладкому нейлону куртки, и тут...

Приглушённый рёв, больше похожий на далёкий рык хищника, пронёсся по коридору. Тася мгновенно заметалась по клетке. Я скинул рюкзак прямо в грязь у входа, поставил поверх коробку, и, встряхнув руками, пошёл на рык.

Тигр?!

Чёрт, что же тогда с Профессором?

Второй рёв настиг меня уже почти у самого конца коридора. Сразу за ним – словно шлёпнулось безвольное тело. И я сорвался в бег.

Впереди виднелся провал вниз, из которого шёл свет и именно оттуда нёсся звук.

Третий рык застал уже на спуске в подвал.

Я махнул по лестнице вниз. Пролёт. Ещё один. Ещё.

Тут!

Тихо потрескивающие лампы дневного света под невысокими потолками давали мертвенно-голубое сияние. А рык... Он сразу перестал быть опасным, а сделался знакомым. Я вздохнул, повёл напряжёнными плечами и пошёл на звук. Требовалось пройти весь коридор до конца.

Дверь в туалет оказалась распахнута.

Сперва я увидел короткий ряд ручкомыльников на одной стене, и лишь потом – ширмочки-кабинки у другой. Из-за ширмы дальней ячейки санитарного помещения выключивался зад в сером замызганном халате. Профессор держался руками за стену и ширму и неудержимо освобождал желудок от недавно съеденного. Но более всего – от выпитого.

Аромат бил по ноздрям пуще кулаков противника. Я сморщился и позвал:

– Профессор. Помощь нужна?

Рука на ширме на мгновение перестала цепляться за шаткую фанеру и явственно показала – «идите отсюда, потом, потом!».

Я пожал плечами и пошёл на выход. Наверху ждала Тася, а ещё надо найти в этом убожестве место, где нам с ней будет спокойно.

Первый этаж состоял из кабинетов. Вполне чистых, только очень запylённых. Судя по всему, сюда заходили чрезвычайно редко.

Минус-первый оказался общежитием. Комнаты стояли пустыми, сиротливыми, и ощущение безысходности только усиливали редкие островки прежнего устроенного быта – ваза-бутылка с торчащим сухим облетевшим стеблем, висящее на крючке расшитое полотенце, брошенный вверх циферблатом будильник, забытая на полке вязаная перчатка на миниатюрную женскую ручку. Вот эта перчатка меня и добила – стало тоскливо, хоть волком вой. Я подхватил крепче коробку, поправил лямки на плече и пошёл на следующий этаж.

Минус-второй этаж был наглухо задраен. На тяжёлой двери висел знак опасности с молнией.

Минус-третий опять показался могильным от оттенка ламп. Но всё-таки он был жилым. Хоть одно живое существо тут обитало.

Вдалеке, в зеве санитарного помещения, гремела вода. То ли Профессор решил отмыться, то ли очищал туалет. И я решил не мешать. Ведь помощь ему не нужна, так?

Беглый обзор позволил осознать, что именно этот этаж и был рабочим. На табличках значились номера лабораторий, а за дверьми оказывались голые комнаты, заполненные аппаратурой. Пристанище Профессора я нашел где-то в середине коридора за дверью с номером семь.

Эта комната ничем не отличалась от других – тоже лаборатория, тоже аппаратура. Только вот в центре стоял заваленный мусором стол, вдоль одной из стен валялись деревянные ящики, забитые книжками, а в углу лежали смятые вещи и постель – стопка из пяти матрацев, на которых покоились одеяла и подушки. Стояли стулья, в беспорядке раскиданные лежали малознакомые предметы.

Комната вполне могла выдержать и ещё пару жильцов.

И хоть говорят, что в чужой монастырь со своим уставом не ходят, но да мне тут жить. Потому и порядок должен быть. Хоть какой-то.

Я прошёл, поставил коробку с Тасей на стол, а рядом свалил свои вещи.

Итак. Сначала – спальные места...

За последующие полчаса я навёл свои порядки. Приволок с минус-первого этажа две кровати, – себе и Профессору, – поменял бельё, заправил. Сдвинул ящики в одну сторону со столом, разгрёб бардак на нём, установил настольную лампу. Притащил тумбочку – переставил туда Тасину клетку. Вытащил старушку из коробки и дал, наконец, погулять по полу. Заодно и корма насыпал в её блюдце, а то худющая стала от поноса. Сел, стал чесать Тасю за ушами, чтобы ела лучше. Она начала успокаиваться, принялась, наконец, и к еде и аккуратно, чинно, несмотря на голод, стала кушать.

– Эт-то что?

Продолжая чесать Тасю за ушами, я обернулся. И тут же понял, что поторопился въезжать в комнату, а уж тем более окультуривать её.

Профессор оказался азиатом. Собственно, одно это уже сразу говорило бы о нём всё! И что доверять такому человеку нельзя, и что жить с ним в одной помойке не следует, и то, что быть настоящим «профессором» он, конечно, не может. Всё, если бы не одно «но» – был он весьма в почтенном возрасте. За шестьдесят, наверняка. Худющий, болезненный, с морщинистой серо-жёлтой кожей лица, словно на солнечный свет и не выходит. С чуть раскосыми глазами и серебристо-седой шевелюрой. Вылитый Тамерлан на смертном одре! Разве только в докторском халате на спортивном костюме, узких очках и берцах.

Я скривился, словно лимон надкусил, и мотнул головой. Но, увы, раз уж вселился, то надо и честь знать. Я ж русский человек.

– Тася, – представил я. – Шиншилла. Чёрный вельвет.

Профессор прошёл, держась от меня подальше, вдоль стенки. Оседлал стул и задумчиво сжал губы, рассматривая нас с шиншиллою одновременно.

– Чёрный... кто?

– Вельвет, – я продолжил чесать тонкие лысеющий ушки. – Окрас так называется. Красивый очень.

– Ясно, – Профессор поиграл губами, словно покусывая невидимую спичку. – А вы, простите, кто?

Я вздохнул. Разговаривать не хотелось. Но, увы, это было необходимо.

– Емеля. Николай Кадышев. А вы?

Тася тяжело поводила боками – наедалась впрок. И так ей было спокойно под моей рукой, что даже внимания не обращала на чужого рядом. Чужого той породы, что должна была ненавидеть не меньше меня.

– Профессор. Рашид Джиганшевич.

– Правда профессор? – я внимательно посмотрел на него.

Серый халат он сменил на вполне чистый зелёный хлопковый, но руки ещё тряслись от пережитой алкогольной интоксикации и запах шёл неприятный.

Рашид Джиганшевич икнул, культурно прикрывая рот, и отозвался:

– Нет. Профессор лекции читает, преподавание ведёт. А я заведующей лабораторией.

– Этой?

Он кивнул и тут же сморщился – видимо, голову ломило. Помолчали.

– Вы от команданте?

А я думал, что один заметил сходство командира с кубинским революционером! Что ж, нечто хорошее в Профессоре есть. Может, это и позволить смириться с его присутствием.

– Да. Буду здесь жить.

Возмутиться он не успел.

В коридоре что-то глухо взревело, выкрикивая протяжные «е-е-а».

Я поднял Тасю с пола и посадил на кровать – вить гнездовье среди одеял.

– Последите, чтобы не спускалась. Холодно, простудится.

Не ответив, Рашид Джиганшевич кивнул, – его блёклые тёмные глаза, как две пластинки, оловянно смотрели на меня снизу вверх.

И я побежал в коридор.

– Емеля? – мужик с фонариком шархнул от входа в подвал, когда я махом одолел лестницу и встал пред ним. В темноте-то не особо видно, вот он и струхнул.

– Ну?

– Там эта... свара началась... Командир зовёт, – просипел он.

Вдалеке раздалась автоматная очередь.

Я толкнул мужика в плечо, направляя к выходу:

– Показывай!

Выскочили на улицу.

Охраняемая зона вся в огнях, словно ёлка под Рождество – десяток мощных прожекторов лупили по каждому квадратному метру площадки между бараками. А там сотни людей надрывали глотки, потрясали кулаками и чем-то увесистым, и чувствовалось издалека – кровью пахнет. Даже, если не уже пролитой, то будущей – наверняка.

Я быстро нашёл глазами «Кастро» – он стоял на крыше джипа и размахивал пистолетом, выкрикивая слова, которые тут же поглощал общий ор и бешеный лай собак. К машине толпе не давало подступиться полукольцо автоматчиков и десяток псов, удерживаемых охранниками на «строгачах», а со спины «команданте» защищала стена административного здания.

Обгоня тихходного мужичка, я рванул и врезался в толпу дурно пахнущих вопящих маломерков. И пошёл, гребя руками, словно по грудь в воде: влево оплеуха, сшибающая с ног, и тут же – вправо. Влево – вправо, влево – вправо. Вокруг ревело, вопило, выло и стонало немывтое человеческое море. А под ладонями хлопало, трещало и рвалось. Широкие и узкие морды всех оттенков евроазиатских рас оглядывались, и лишь успевали заметить меня – деваться в толпе некуда – их тут же сносило в сторону от размашистых ударов.

Когда до автоматчиков оставалось совсем чуть – море вокруг меня раздалось в стороны само, отхлынуло назад и заглохло. Где-то стонали, шептались, шипели злобно, но уже не кричали. Затихли. Ждали.

«Кастро» приосанился и, ткнув пистолет обратно в кобуру, вытянул стек, похлопал по ладони:

– Что, козлы ссанные, уделались? Я вам, мать-перемать...

Кольцо охраны пропустило безоговорочно, и я прошёл к самому джипу – чёрному тонированному «УАЗ-Патриоту». Глянул на команданте, орущего благим матом, потом на толпу, быстро трезвеющую и тихорящуюся. С чего бы им пребывать в такой задумчивости? Пока есть за тобой сила и бунтарский угар – надо ломить всё и вся. А уж как призадуматься, так, ведь, и не захочется... Вот ведь верно сказал «Кастро» – козлы ссанные и есть!

Я сел на капот «Патриота» – тот лишь скрипнул, сразу чувствуется, что серьёзная машина – и в задумчивости стал оглядывать толпу. Разношерстная стояла компания. Тут и желторожие кто с Китая, кто с Тадж-Киргыз-стана, и тёмнолицие с Кавказа, кто-то даже из братьев-славян, только опустившийся до скотского состояния.

– Вот вам по закону! Кто готов? Хвосты поджали, яйца прикрыли? Ну?! Кому жопу порвать? – Кастро кричал и стучал стеклом по высокому голенищу. – Как требовать чего – так мы молодцы, а как отвечать – девицы? Ну? Кто пойдёт?

– Ты типа это... – сбоку ко мне подкатил высокий, ладно сложенный боец с автоматом на плече – стволом вверх.

– Чего?

Он выплюнул жвачку и кивнул на толпу:

– Щаз... это... выйдет кто драться. Порви нафиг, но не мочи. Командир... это... сказал – чем жестче, тем больше уважуха будет. Ну, выламай чего... Ты... это... теперь вместо Костяна – поединщик типа. Батыр по-ихнему. Понял?

Понял, чего не понять. Костик мне внятно объяснил – бить гадов. А большего мне и не надо.

Со стороны толпы вышел поединщик.

– О как! – удивлённо усмехнулся боец. – Это ж тот же гад, который, эта... Костяна помял! Ты это... осторожнее.

Я покосился на советчика и повернулся к поединщику, с кем сводила судьба.

Мужик роста невысокого, но сам себя в плечах шире, с жёлтой казахской мордой, меченой шрамами, и с упрямо сжатыми губами. Самое то для первого раза. Мужик встал перед строем автоматчиков и стянул рубаху, обнажая литое тело. Вроде как устрашает или красуется, но мне-то видно – просто себя распяляет. А тело хорошее, прокаченное тело: пресс кубиками, грудь двумя черепицами, на плечах мышц канаты. Бывает и у степных народов рождаются такие богатыри, что на глазок прикидываешь и понимаешь, что на зубок щупать не хочется. Но до меня ему всё равно ещё далеко.

Я скатился с капота – джип скрипнул и качнулся – и вразвалочку пошёл на поединщика. Что, сука, Костяна помял? Ну, меня попробуй!

Пока шёл, стащил рубаху – бросил под ноги автоматчикам – авось ума хватит подобрать. И встал напротив маломерка. Тот смотрел снизу вверх, горбился, растопырив руки и, словно матрос на палубе, расставив ноги.

– Давай, Емеля! – удовлетворённо рыкнул сзади «Кастро».

А чего... Сейчас и «дам». Не переварит.

«Аминь, твою мать!»

И...

Мужик рванулся мне под ноги...

Плечом в «солнышко», руками под бёдра...

Приподнял, сминая живот...

С натугой оторвал от земли...

И шибанул башкой оземь!...

Заплясал, от радости хохоча...

И...

Огонь опалил! Ненависть ринулась лавой! Взбурлило, взбунтовалось, закипело!

Мужик рванулся мне под ноги. Вот ещё был там, а вот – уже почти подо мной мокрая от волнения спина – все жгуты мышц видно. Сейчас обхватит...

Я шагнул назад – в сторону и, словно вежливый пионер для падающего старичка, подхватил под выставленный локоть. Пока ещё вперёд летел батыр, не видя цели, добавил ускорения и... жёстко подломил под себя его руку. Теперь либо лети башкой в землю сам, либо с плечом

прощайся. Мужик всхрипнул и прыгнул – перекувыркнулся в воздухе, пал на спину, спасаясь. Но всё равно не успел – я сверху с колена рухнул на напряжённую руку. Трах! И всё.

Мужик посерел, лицо вытянулось. Рот открывался – закрывался, глаза стали огромные – ну прям сом на мелководье. Одно хорошо – не орал. Не люблю, когда орут. Тут сразу надо дорабатывать до нокаута, чтобы потом сами себе душу не травили, что так опозорились. В этом бойцовское милосердие. Этот мужик не кричал. Только смотрел, будто в душу пытался заглянуть, да здоровой, неполоманной рукой скрёбся по земле.

Я поднялся, оглядел притихшее стадо, уже готовое подчиняться. И, спокойно отвернувшись, пошёл к «Кастро». Кишка у них оказалась тонка – никто даже не чихнул мне в спину, не то чтобы там ударить или вызов бросить.

– Работать, негры! Солнце ещё высоко! – захохотал команданте и, молодецки спрыгнув с крыши, показал мне рукой, мол, иди сюда.

Автоматчики расширяли круг, тесня толпу, а та рассасывалась, струйками растекаясь по баракам. Молча, словно пришибленные. Молодцеватый боец подал мне рубашку – всё-таки догадались. Я оделся, пока ночной прохладой не прихватило по распаренному телу.

Подошёл «Кастро», приложился к фляжке, выуженной из кармана, сноровисто дыхнул, жмурясь от наворачившихся на глазах слёз, и сунул мне фляжку в грудь:

– На!

Я покачал головой:

– Не пью. Спортсмен.

Он хохотнул, убирая коньяк в карман:

– Ничё, научишься. Тут без этого – смерть гнилая! – и кивнул: – Ну, иди, отдыхай. До завтрашнего вечера они шёлковые будут.

Я и пошёл. Под ободряющие крики охранников. Каждый из них норовил подойти ближе, хлопнуть по плечу и высказать, какой я молодец, как классно сделал «обезьяну». Кто-то предлагал зайти в барак, отметить это дело, но я упрямо мотал головой и лишь хмуро позволял хлопнуть себя по плечу, протискиваясь между бойцами в сторону сейсмологической станции. Почему-то не было того победного угара, что возникает после каждого выигранного боя на ринге. Пусто было, и холодно внутри, как это было тогда, в тяжёлое пасмурное октябрьское утро, возле стройки многоэтажного паркинга. Вот так...

Профессор ждал возле входа на сейсмостанцию. Механически гладил Тасю, завернутую в свитер на его руках, и задумчиво смотрел, как я подхожу.

– Значит, вы и есть новый палач... – пробормотал он.

Вот выдал!

Я на мгновение опешил, останавливаясь, словно налетев на невидимую стену. Но потом очухался и разжал кулаки – последнее дело для бойца бить старикана только за то, что болтает пьяный язык!

Решительно забрал Тасю и, сунув за пазуху, буркнул:

– Я – боец! – и посмотрел исподлобья.

Отведя взгляд, он посторонился, и я пошёл по тёмному коридору на дальний свет.

Но ещё услышал, как Профессор негромко кинул мне в спину:

– А здесь нет разницы.

Вот гад! Всё настроение испортил. Его даже не хватило уже на то, что наметил сделать на вечер – привести в порядок своё теперешнее пристанище. Всерьёз стал подумывать о том, что стоило найти себе другое место для житья-бытья, но решил окончательно определиться с этим утром. В конце концов идти отсюда толком тоже некуда – или в бараки ко всяким «Брынзам», или на этаж общежития, где ждала кого-то забытая перчатка на полке. Что так, что эдак получалось не лучше, чем тут.

Профессор же, вернувшись, сел за стол, повернувшись ко мне спиной, и зарылся в свои бумаги.

Спать лёг без ужина. Не хотелось. Только допил из термоса какао и покормил Тасю. Рюкзак тоже решил разобрать потом, поэтому лёг, попросту раздевшись, благо постельное бельё принёс чистое. Накрылся одеялом, чтобы не мешал верхний свет – четыре лампы дневного света на всю комнату – закрыл глаза и замер, вслушиваясь в себя и мир вокруг. Тело утомлённо расслаблялось, растекаясь каждой жилкой по мягкой постели. Но сознание, заиндевшее в предчувствии кошмара, всё никак не могло отпустить контроль и позволить провалиться в сон.

Щёлкнул выключатель и погас свет. Стало темно, и лишь где-то вдалеке светилась – в углу Профессор корпел за столом в пятне света настольной лампы, шурша бумагами и терзая тетрадки авторучкой.

А сон опять начался с привычного видения, заставляющего пульс подскакивать до бешеного, а тело замирать в напряжении.

Метались передо мной картины прошлого. Тревожили, заставляя задыхаться и костенеть от ужаса. Но некуда было бежать...

И так кружило на недетской карусели воспоминаний, пока не провалило окончательно в глубокий сон без видений.

Разбудил стук.

Тук – тук – тук. Туки-туки-туки. Тук-тук-тук.

Это же морзянка! СОС!

Я проснулся мгновенно, Профессор чуть позже.

Пока я прислушивался и соображал, кто может стучать и где – акустика здания не позволяла точно определить далеко это или близко, – Профессор живо вскочил, растёр себе уши, словно выпарапывая звук, и схватился за одежду.

Я приподнялся на кровати, напряжённо готовясь к рывку, но Рашид Джиганшевич коротко махнул:

– Спите! Это за мной.

В этот момент он не был похож на алкоголика со стажем. Волевой человек, чуть сонный, но живо собирающий себя в кулак. Прихватив чемоданчик, он скрылся за дверью. Я ещё подождал для спокойствия, но стук вскоре затих, и больше меня ничто не отвлекало от сна. До самого утра, когда Профессор вернулся и, стараясь не шуметь, лёг досыпать.

День второй. Оборотень

*Расположение [камней]
в саду
Меня наводит на сомненья
при выборе Пути.
Хочу сказать, а слов не нахожу*

Разбудила меня Тася. Старушка вылезла из клетки и, по запаху найдя меня, угнездилась на шее – так она, видите ли, не мёрзнет! Привыкла уже к теплу, а в дальневосточном климате кукожится, даже шерсть не спасает. Пришлось проснуться и переложить её на подушку под одеяло. Там она благополучно и осталась досматривать свои шиншилловые сны. А я решил, что много спать вредно и отправился знакомиться с бытом своего нового места жительства.

После краткого умывания выскочил на поверхность.

Солнце ещё только восходило, и холодный ветер с востока, щемясь меж скал, вкатывался в долину зоны «ГТ-17», принося с собой влажность близкого океана. С непривычки от тяжёлого воздуха давило грудь и в голове разливалась муть от едва преодолимого желания спать.

Для начала я решил пробежаться. Заодно и экскурсия по территории.

В берцах бежать оказалось непривычно, но Костян верно говорил, что иная обувь тут неуместна. Под ногами мокрый камень, мох и скользкая трава; неровная земля норовила выскользнуть и каждый прыжок вперёд мог закончиться подвернутой стопой. А плотно облегающее голенище надёжно защищало от превратностей. Бежал легко, не перегружаясь, не требуя от тела даже обычной нормы. Какие тут нормы, если после перелёта акклиматизация ещё в самом разгаре! Но всё-таки заставлял подавленные длительным бездействием мышцы потихоньку расходиться, становится горячими, текучими, как ртуть, упругими.

От бега бросало в жар, но ритмичное дыхание нагнетало в лёгкие прохладный воздух, остужая.

Территория оказалась небольшой, вся расположенная в долине, зажатой горами. Может быть поэтому так тесно всё разместилось – и старая сейсмостанция, и стройка новой, и бараки, и администрация. Из огороженной бетонным забором под колючей проволокой зоны был только один выход. От него дорога шла в обе стороны ущелья. На западном направлении ещё сохранились островки щебня, используемого для выравнивания дороги, а восточный путь едва угадывался по замытым дождём следам гусениц тяжёлой машины.

Пробежав за полчаса границу территории зоны, бодрой рысцой по гладкому плацу добрался до здания сейсмостанции. По запылившимся стёклам окон уже гуляли отблески поднявшегося солнца. Я решил сделать ещё кружок в предельном темпе вокруг здания и ускорился.

Но, завернув за угол, едва не влетел в выложенную из камня оградку. Передо мной расстилалось каменистое пространство, от края до края заваленное мелкими серыми камнями поблёскивающими белыми искорками на гранях. Они были уложены стройными рядами, словно когда-то по земле прошёл сноровистый землепашец, создав чёткие ряды, в которые и заложил семена камней сеятель. Ряды серого гравия тянулись от моих ног вглубь негданного сада. Вокруг больших замшелых валунов ряды формировали круги, а вдаль убегали мелкой волной, где терялись у подножья зарослей припозднившихся в цветении пионов и высаженных над ними кустарников. Дальние растения создавали ощущение джунглей, нависающих над каменистым берегом.

– Осматриваетесь?

Я обернулся.

Профессор стоял в дверях запасного выхода сейсмостанции, ровнёшенько напротив странного сада. Он был в поношенном коричневом в узкую чёрную полоску костюме при галстуке и рубашке. Вся цивилизованность его вида говорила за особенность момента, но картину портила оловянная кружка с варевом, которую Профессор, чтобы не обжечься, обхватывал стянутым на ладонь рукавом голубой рубашки.

Я выдохнул, восстанавливая дыхание – в голове ещё размеренно гудела кровь, а грудь теснило от воздуха. Но ответить не успел.

Профессор сошёл с крыльца и обвёл рукой с кружкой, ограничивая мир каменной пустоши:

– Красиво, правда? Особенное искусство. Великолепно передающее суть того, чем здесь занимались светочи отечественной науки. Жаль, такое же недолговечное, как и она. Как и наука, искусство требует жертв от окружающих. Когда этого нет, оно умирает... Так и этот сад. Но, чтобы двигать науку, требуется не один человек. А тут – меня пока хватает. Не станет меня – недолго этот сад сможет противостоять дикой необузданной природе.

– Этот... сад? – повторил я, задумчиво оглядывая серое пространство без единого цветка. Поле гравия казалось осколком марсианского пейзажа, случайно, по задумке недалёкого фантаста, занесённое на землю и оставленное в первозданном виде. А может быть, лунного...

– Сад Камней, – снисходительно отозвался Рашид Джиганшевич. – Подарок японской стороны. Лично основателю станции. Великий был человек! Японцы пробили все препоны советской бюрократии, чтобы привести сюда работников и создать эту красоту. И не помню на своей памяти, чтобы они ещё ради кого подобное делали...

Я оглядывал сад и молчал. Что такое «сад камней» я знал, да вот встречать в жизни ещё не приходилось.

– Жаль, – сощурившись, усмехнулся Профессор, – не нужно всё это.

И, почти по-военному чётко развернувшись, скрылся за дверью.

Неяркое дальневосточное солнце играло пятнами света на гладких боках гальки и упрямо пыталось прогреть заросшие мхом бока валунов. Не нужно?

Оказалось, и в таких условиях несложно соорудить себе во дворе тренировочный станок. Старая крышка от «Краза» плюс кем-то припасённый гриф от штанги – вот и весь тренажёр. Взмахнул грифом – вдох; долбанул по крышке – выдох. А тело жарит под тусклым солнышком, в пот бросает. И весь – от запястий до крестца – ощущаешь удар. Напрягаешься, расслабляешься... Всё в согласии с желаниями тела, без чрезмерностей.

А вокруг появляются и исчезают люди. Ходят осторожно, по краешку площадки, которую я облюбовал под спортзал. Что охранники в сером или зелёном камуфляже, что работники в рванье да телогрейках прошлого века. Приглядываются, молчат. Давно уже заработала стройка: рвались взрывы из котлована, пыхтел экскаватор, расширяя яму, катались туда-сюда машины, вывозя лишний грунт. А на вышках скучали автоматчики и по территории рысили люди с овчарками, придирчиво нюхающими траву.

Когда возвращался к станции, подошёл давешний боец – теперь автомат висел на плече.

– Емель! Эта... командир зовёт отзавтракать. Ну, типа, эта... похавать вместе.

Опять «эта» да «эта»! Ну, прям «Этка» какой-то!

Я махнул рубашку на плечи и наклонился над бочкой, полной воды:

– Понял. Сейчас.

Но он не уходил.

– Ты, Емель, эта... Крут махать. Костян хорош был, а и то валандался. А ты – ррраз! – и уноси готовенького. Тебе эта... палец в рот не клади!

– Ага.

И вообще лучше в меня ничем не тыкать.

Но это я, конечно, вслух не сказал. Просто наклонился пониже и махнул водой на голову, споласкиваясь от лысины до поясицы. Всё-таки к начальственному столу позвали. Пусть не в ресторан в общество губернаторов и звёзд ужинать, но всё равно как-то неудобно.

Продолжая трепаться о том, о сём, совершенно не обращая внимания на моё молчание, боец довёл меня до лестницы административного корпуса и приветливо помахал автоматом. Выше я пошёл один. Там встретил увалень – Брынза. Увидев меня, тут же расплылся в пластилиновой улыбке, которой я ни на грош не поверил. Сообразив, что подружиться не удастся, он скорчил обиженную мину и повёл меня в конференц-зал, где и было накрыто. Два составленных стола, на которых теснились миски, вскрытые банки и бутылки. Из горячего пшёнка с тушёнкой, а деликатесами красная икра да консервированные малютки-осьминоги.

Я, увалень, три начальника смены – Ворон, Череп и Чахлый, ждали прихода «команданте», стоя вокруг стола. Все трое «начсмен» подтянутые, с неприступным выражением в глазах. Ворон оказался сухощавым низким мужиком в солидном возрасте. Одетый в чёрную форму со значком «русских братьев» на лацкане. Он искусственно улыбался, едва подтягивая кверху уголки губ, и косился, невзначай оглядывая меня, явно оценивая. Череп, наоборот, был молодой, рослый, но тоже худосочный и жилистый. И с выскобленной лысиной, что неудивительно при его кличке. Бойца-ударника выдавали стёсанные костяшки и привычка смотреть исподлобья, сопровождая напряженный взгляд добродушной ухмылкой. Только в её добродушие верилось с трудом. А Чахлый, к которому меня приписали, оказался из всех начсменов самым неживым, скованным. Может быть, потому что был правой рукой команданте или оттого, что его лицо и шею бороздили старые шрамы? Мужик приземистый, но широкий, что тумбочка, он пялился исподлобья холодным рыбьим взглядом, и возникало ощущение, что бультерьер целится.

С приходом «Кастро» все смогли рассесться. Мне надлежало сидеть по левую руку от командира, сразу за Вороном. Напротив меня оказался Чахлый и Череп, а Брынза сидел как и «команданте» на узкой части стола.

– Ну, как первый день, Емеля? – спросил командир, наваливая кашу себе в тарелку.

– Ничего.

– Как тебе наш Профессор?

– Ничего.

– Ничего... – он хохотнул, показывая на меня глазами подчинённым, и тут же посерьёзнел: – Да, он мужик со странностями. Ну, интеллигент, конечно, но не из тех, гнилых, нормальный такой интеллигент, даже водку жрать умеет. Только вот нерусский он. Да и повёрнут на своих «бегемотиках».

– На ком?

– Не показывал ещё? – благодушно усмехнулся «Кастро», – Ну, значит, покажет. Это машины у него там стоят такие, на бегемотов непохожи, но он их так зовёт. Он за них душу продаст. Или вытрясет. Это уж как сложится.

По бороде скатывались хлебные крошки и «Кастро» периодически оглаживал её двумя пальцами, стряхивая сор. А я механически жевал и смотрел в тарелку – мало ли, обижу ещё чем. Нехорошо получится.

– Я приглашал Профессора к столу раньше, но характерами мы не сошлись, да... Хотя человек, я тебе скажу, разумный, но упрямец чёртов! Он этим скотам помогает, да... Он опять таскался ночью лечить этих обезьян, понимаешь? А с утра ко мне уже притащился – типа полуманного надо срочно в город. Будто мне не на что больше бензин потратить! Он бы и сам повёз, но его гроб на колёсах туда не доедет. Ты понимаешь? Он ради скотов готов бросить станцию! Тысячи, миллионы жизней за одну. Плодит дерьмо, паршивец! Природа такая у интеллигенции, что у русской, что у какой другой. В дерьме сидеть, дерьмо вокруг себя художественно размазывать, не давать людям построить нормальное общество... Вот он там сидит на станции

своей, жопу протирает и нас ненавидит тихо в пробирку! Но я даже понимаю его ненависть, вот что я тебе скажу! Понимаешь, какая штука! Вот, к примеру, станция его. Старьё, конечно. Но опять же – рабочая станция. Ещё советская, а это, я тебе скажу, значит, что века простоит! А мы тут – бац! И делаем прямо под боком другую! А человеку – обида...

Тяжело вздохнув, «Кастро» откинулся на спинку стула и показал Чахлому на бутылку беленькой. Начальник смены молчаливо поднялся и набулькал в рюмку. «Кастро» вскинул руку – мол, за здоровье! – и опрокинул дозу.

– Это, я тебе скажу, вообще проблема государства россейского. Всеобщая неразбериха и рвачество... Да... На одно денег нет нифига, на другое – на те! Вот станция... – «Кастро» вытащил из нагрудного кармана изящную трубку и кисет, начал набивать. – Японцы дали денег на стройку. Им надо, чтобы была сеть напротив их островов – землетрясения наблюдать. Ну, это понятно, всем жить хочется, и узкоглазым тоже. И вот тебе, пожалуйста, наши подлизали им что нужно, взяли деньги и строимся теперь. А почему просто не сказать, что у нас тут своя стоит рабочая? А?

Он вперил в меня уже не совсем трезвый взгляд, и я многозначительно кивнул.

– Правильно! – с удовольствием протянул «Кастро». – Потому что – деньги! Пока мы тут строим, в столице деньги пилят... Так что Профессор тут не прав, ой, не прав... Не нас ему надо ненавидеть! Да мне дали б волю – я бы в Сочи поехал, я бы в подмосковье школы детишкам строил, а не тут... Этих ленивых обезьян заставляем работать и охраняем, чтобы не растащили чего. А ведь обезьяны сраные, а?

– Обезьяны, – согласился я.

– Вот, – расплылся «Кастро», – Понимаешь!

И, словно невзначай, подмигнул Чахлому. Тот, не меняя угрюмого выражения лица, кивнул.

Вот так. Судя по всему, тесты на профпригодность и лояльность я прошёл. Не зря мама всегда говорила, что молчание – золото.

С завтрака я уходил пресыщенным разговорами о политике и табачным запахом, помноженным на сивушный – командир пил по «чёрному». Хотел пройтись по зоне, развеяться, но успел выйти только за «плац».

– Емель, погода!

Чахлый догнал меня широким, уверенным шагом легко, подтянуто отмахав расстояние от дома. Встал рядом, не смотря на меня, а взглядом обшаривая плато. Шмыгнул, вдыхая мокрый ветер с востока, и кивнул на стройку:

– Ничего мы тут затеяли, а?

Не самое лучше начало для разговора, но уж что есть.

– Ничего, – я повёл плечами, незаметно разминая задеревеневшие за время напряженного обеда мышцы меж лопатками. Спину я всё время стремился держать прямо, как мать учила на светских раутах, но, видимо, опять перестарался.

Чахлый кивнул, так и не глянув на меня, и потянулся в карман. Достал пачку импортных сигарет и протянул. Всё это – с выражением окаменелой мрачности, словно в единый кулак сводящей мясистое мускулистое лицо. Но, в отличие от смороженной мимики, тело начсмены жило. Жилы напрягались под пятнистой камуфляжной курткой, расправляя плечи. Он казался широкой вешалкой – твёрдой, словно цельнометаллической, на которой болтались обманно расслабленные руки и так же обманно неподвижные ноги. От него веяло опасностью. Но пока ощущения внутри спали. Огня не было.

– Не курю. Спортсмен, – приучено отозвался я.

– Понятно, – Чахлый вытянул из кармана комка зажигалку и прикурил, щурясь на горизонт. – А ты где учился-то?

– Спорт. Подворотня.

Не удержался и пожал плечами – где ещё можно учиться?

– А, – Чахлый затянулся, выпустил дым клубком изо рта. – Я подумал, может из наших.

– Из которых?

– Ну, армия. Спецназ, десант. Туда с удовольствием брали таких рослых парней, слабаков не держали. Ты где служил-то?

Вот так. С этого обычно начинаются возмущённо-пьяные сопли в берет, срывание тельняшек и требования идти отдавать долги Отечеству. Только я у этого Отечества ничего не занимал. Ни я, ни мать моя. Но народ после армии этого обычно не понимает. Как же! Святой же долг – плац подметать ломом или траву красить. Но более всего обычно мужикам обидно, что пока они два года теряли, другие чего-то достигали за это время. От зависти и горести и ярятся, как правило.

– Не служил, – коротко ответил я и тоже перестал смотреть на собеседника. Взгляд поплыл по верушкам гор, острыми вершинками ёлок, словно гребнем, упирающихся в небо. Ну, что? Будем выяснять отношения дальше?

– Понятно, – Чахлый сморщился, вынул окурок из рта, глянул брезгливо на огонёк. – Отсырела, зараза, – хмуро сплюнул он и пояснил: – Вчера выпили с командиром, да по дуруости залез спать в спальник прямо в одежде.

Значит, выяснять не будем. Радует. Нечасто настолько адекватных вояк встретишь.

– Тут через один все бывшие, – хмуро сообщил Чахлый. – Кто откуда. Из простых никого не брали. Командир элиту собрал, кто без работы маялся. Тут из разных родов войск. У всех одна фигня – на гражданке заняться было нечем. Чурок на работу брали больше, чем русских парней с ногами-руками и башкой на плечах!

Он раздосадовано сплюнул. А я молчаливо согласился.

Говорят, в нашей стране с любым человеком можно найти общий язык – достаточно посмотреть вокруг и сказать «до чего страну довели сволочи», – как контакт установлен.

– Командир сам из бывших, – Чахлый мотнул головой в сторону, и мы неторопливо начали дрейфовать в указанном направлении. – Он понимает ребят. За родину обидно.

И я снова молча согласился. Обидно.

Под ногами хрустели камни, но все больше становилось травы, постепенно затягивающей тонкими зелёными тельцами серое крошево. Мы отходили от плаца, от стройки, от строений к ограде территории, где дрожали лапы кедров, нависая над колючкой забора. Где издали уже виделась пушистая полянка, зелёным пятном в крапинку коричневых шишек.

Чахлый задумчиво окинул взглядом территорию, старательно избегая взгляда на меня:

– Берга вчера в город отправили. Доктор сказал, перелом со смещением. Ты ему разломал голенную кость. Это вообще как?

Как? Есть такой удар в каратэ. «Чудан цуки» называется... Только делать его надо правильно. И заниматься годами по две тренировки в день. На чём пожёстче. Ну и иметь такие грабли, как у меня.

Чахлый на ходу задумчиво покосился исподлобья и вдруг резко остановился:

– Покажь руки!

Я понял. И молча вытянул ладони тыльной стороной вверх.

Чахлый к давно стёртым мозолям не прикоснулся. Только мазнул взглядом, а потом глянул дальше, на запястья и удовлетворённо кивнул. И снова тронулся к зелёному пяточку.

– Сандаловое масло? – поинтересовался он.

– Детский крем, – угрюмо отозвался я. На масло тогда денег бы не хватило.

Чахлый хмыкнул – глаза зажглись весело, а вот лицо не изменилось, оставшись таким же напряжённо-сжатым.

– Пястья у тебя лошадиные, да, – поощрительно кивнул он. – Удар хорош. Да и борьбу показал неплохую... Универсал?

– Смешанный стиль, – отозвался я.

– Один хрен, – кивнул он и снова потянулся за сигаретой. – Хорошо ты обезьяну вчера уработал. Командир был в восторге.

Тут до меня стало, наконец, доходить, в чём дело.

– А ты, значит, – я остановился, – не в восторге?

Он успел пройти ещё шаг и после развернулся.

Я прислушался к себе. Нет, огня не было. Тишина. Значит, разойдёмся миром.

Чахлый задумчиво покосился на сигарету:

– Почему же.

Бросил окурок и затушил коротким твистом, размалывая его по камням. И впервые взглянул мне в глаза. Приземистый, крепкий, он смотрел исподлобья снизу вверх, словно привык перед боем. Разве только не приплясывал, стремясь подавить взглядом.

– Мне тоже. Понравилось, – наконец отозвался он. – Быстро сработал. Только невнятно. Не понятно ни черта...

И...

Наклонился, группируюсь...

рванулся мне под ноги...

Плечом в «солнышко», руками под бёдра...

Приподнял, стискивая до боли...

С натугой оторвал от земли...

И...

Кинулся мне в ноги. Классическим, отработанным многократно борцовским приёмом.

И можно было сделать десяток разных техник, но я уже понял, чего он добивался. Потому – шагнул в сторону, как вчера, и подхватил руку, ещё стремящуюся схватить убежавшее тело. Повернулся, влился в поток его движения, и чуть подсел, принаравливаясь к броску.

Чахлый прыгнул до того, как я придал его телу ускорение болезненным давлением. И естественно стал уходить из захвата плеча. Неудобно вывернул мне запястья – до хруста напряглись сухожилия, и пальцы разжались – плечо начсмены выскользнуло. И через пелену огня в сознании я не видел его движений дальше. Но чувствовал кожей. Чахлый пал на землю спасительным нырком и тут же подбил мне ноги.

Рушась, я вскинул в защиту руки, но тот всё равно прошёл – крепкие, словно калёные, ладони вбились мне в запястья и опрокинули навзничь. Воздух из груди вышибло сильным ударом о камни. Другое дело, что подмять вояке меня не удалось. Пока я не успел подняться, он начал молотить сверху. Явно торопился, понимая сам, что выносливости не хватит, если бой затянется. Но и мне не хотелось словить в голову за-ради чего-то там хорошего настроения. Отдав на откуп мощному граду ударов запястья, я подловил момент и нырнул в сторону. Чахлый провалился в удар, вошёл кулаком в камни. С присвистом выдохнул, ощериваясь.

Тут я его и свалил. Выбил колено, цапанул за ворот и опустил мордой в каменную крошку под тонким травяным покровом.

У него и мысли не возникло действовать как-то непредсказуемо – руки прикрыли голову и на мгновение вояка остался безоружен. Я оседлал его плечо и, пав на спину и тем перевернув его, аккуратно – не дай бог оторву, что плохо природа пришила, – взял руку на слом. Классическим, хорошо натренированным приёмом.

Чахлый сопел где-то под икрой, потел, шипел от боли, а я неторопливо наворачивал его локоть себе на бедро.

– Пилять! – выдохнул вояка и коротко стукнул ладонью по моему голенищу. – Пусти, слоняра.

Я и отпустил.

Откатился, сел в пол-оборота, исподлобья оглядывая местность. Чахлый неспроста отвёл меня подальше от плаца и административного корпуса, но всё равно не далеко мы ушли. И теперь от барака охраны к нам бежала пара бойцов, грохоча берцами по камням. Да и возле стройки мужики всполошилась.

А начсмены валялся на камнях, задумчиво наминая локоть, и, шурясь, смотрел в небо.

Когда подбежали охранники и встали, неуверенно смотря на лежащего командира и направляя на меня автоматы, я глянул через плечо – молодые ребята со следами похмелья на давно небритых рожах глазели на нас, вольготно расположившихся на редкой травке, и сопели после пробежки. Их неуверенность буквально смердела боязнь. А меня даже раздражать стала ситуация – второй раз за сутки смотреть в стволы просто потому, что у кого-то дурная голова рукам-ногам покою не даёт!

Чахлый поднялся, сел, угрюмо глянул на своих людей и коротко мотнул головой.

Лица ребят затвердели. Ума на то, чтобы не показывать своё отношение к произошедшему, хватило. Откинув автоматы за спину, бойцы развернулись и потопали обратно к лагерю, на ходу раскуривая сигаретки. Может быть, начсмены с каждым новым «бойцом» тут на травке разминается, проверяя на зуб, а может быть, «кто в армии служил, тот в цирке не смеётся».

Чахлый, оставаясь всё так же угрюмо-спокойным, потянулся, с хрустом вытянув позвоночник, и сощурился на меня:

– Слоняра, – повторил он, но теперь в голосе звучала неприкрытая зависть.

Я пожал плечами:

– Каким мамка сделала, – коротко отозвался я.

Тут моих заслуг уж точно нет.

Начсмены усмехнулся.

– Я тут, почитай, ни с кем на равных не мог размяться. Будет теперь кому бока наминать, – усмехнулся он. В глазах прыгали чёртики. – Да и тебе пободаться не помешает. Не всё конягой по периметру скакать.

Я степенно кивнул. Спору нет – не помешает.

Чахлый задумчиво потёр щетину и, глядя на ладонь, спросил:

– Но что ты сделал – я не понял. Залома не было – точно. Какого беса я свалился?

В пору было довольно хмыкать. Признание такого мужика, как Чахлый, в том, что ничего не понял, сродни признанию поражения. Но улыбаться я поостерёгся.

– Я подсуетился, – и поднялся на ноги. – Давай ещё раз.

Начсмены пружинисто поднялся. Глянул остро снизу вверх и попёр мне в ноги, теперь уже медленно, как и нужно при отработке неизвестного приёма.

– Тут, – я обозначил захват под плечо. – И тут, – с разворота, уходя от толчка в таз, я вложил массу в подмышку нападающего. Ни боли, ни ломки, но стоять, когда сам согнулся в три погибели, а тебя ещё и за подмышку носом в землю направляет чужеродная масса, невозможно.

Упасть от мягкого исполнения он, конечно, не упал, а пробежал пару шагов, согнувшись в поясе, перебарывая желание рухнуть. Остановившись, распрямился и обернулся. На лице застыло задумчивое выражение, в глазах плёнка равнодушия – прокручивал в голове только что происшедшее.

– Ещё раз, – хрипло сказал он и снова кинулся мне в ноги.

Я повторил.

На этот раз Чахлый из приёма сделал шаг и мягким перекатом ушёл вперёд, разрывая дистанцию. В бою я бы его, пожалуй, не упустил, но тут лишь технику показывал, потому разжал пальцы, давая напарнику выпорхнуть на землю. Чахлый мягко кувыркнулся – плечи, бедра, стопы, – и поднялся в стойку уже шагах в трёх от меня.

– Хорошо, – кивнул он.

Меня на мгновение жгучий интерес прошиб – а вот решится ли сразу попробовать или пойдёт новой техникой мелочь свою пугать? Чахлый расставил ноги и, набычившись, развёл руки:

– Давай! – скомандовал он.

Я пошёл на него, до последнего оставаясь прямым, а потом не особо торопливо нырнул вниз. Хоп! Обхватил бедро, наваливаясь плечом в живот. Ну же! Чахлый опаздывал, уже надо было... Но тут же мой корпус словно подхватило и протащило дальше – вперёд, в землю, куда до того я стремился опрокинуть противника.

Я расслабил руки, выскальзывая из захвата, и кувырком по травке ушёл от противника. Поднялся, повернулся к Чахлому.

Тот стоял, чуть склоняясь – не рассчитал, видимо, по первому разу, да и утащило его за моей ускользящей массой вслед.

– Ещё! – рявкнул Чахлый.

Я пожал плечами и двинулся на второй заход.

Потом потребовался третий и четвёртый, и пятый. Чахлый в удовольствие валял меня по травке, с каждым разом всё более оттачивая движение. Да и мне приятно покалывало мышцы, размятые привычной работой.

Чахлый остановился только когда доведённое до автоматизма движение стало идеально вливаться в мой рывок, выполняемый на полной скорости.

– Хорош, – выдохнул он и смахнул пот.

Мне и самому хотелось вылезти из рубашки и посушиться на солнышке, но порывистый ветер, гонящий от края гор тучки, подсказывал – не стоит. Начсмены махнул рукой, и мы неторопливо направились обратно, где на плацу, будто невзначай, прогуливались бойцы, не занятые на постах, но их численность говорила сама за себя.

Я сосредоточенно вытаскивал иголки, запутавшиеся в рукавах рубашки. На спине, наверное, их стая, но это позже.

– Добрый приёмчик, – усмехнулся Чахлый, посасывая оцарапанные о камни костяшки. – Вроде и не делаешь ни черта, а результат мордой об асфальт. Ты где такого нахватался-то? На самбо не похоже, на классику тоже.

Мне до томления в груди вспомнилось ДоДзё в полуподвале, где в окна под самым потолком смотрелись туфельки и ботинки проходящих мимо людей, где текли рамы в дождь и лютый зимний холод заставлял, выходя на разминку, стучать зубами. Маленькое ДоДзё, где едва помещалась дюжина здоровых прокаченных мужичков, молодых, с буйной силушкой и куриными мозгами. И сенсея. Добродушного старичка, хилого – плевком перешибёшь, с вечно приклеенной улыбкой и всегда блестящими детским восторгом глазами. Они становились другими – прозрачными, равнодушными – только в схватке. И тогда странный мороз пробежал по загривку. От этих глаз и не сходящей улыбки. Тогда я ещё не знал, как так бывает...

– Айки-дзютцу, – коротко ответил я.

Чахлый с интересом покосился.

– Слышал, – степенно кивнул он. – Но не занимался. Это всегда было где-то из области фантазий. А тебе, значит, свезло.

Я кивнул. Можно сказать и так.

– Не похоже на тебя, – сказал он, опять обсасывая пыльные кровоточащие ссадины. – Тебе бы в вольную... А вся эта карусель узкоглазых... Заумная она. Не похоже на тебя, – повторил он.

В глаза не посмотрел. Испытывал?

Я пожал плечами.

– Молод был.

Прозвучало так, словно сказал, что пошёл туда по дурусти. Но это было не так. Помню ещё, как сидел на корточках возле тусклого жёлтого окошка и, грея руки подмышками, вглядываясь за узорное стекло на кружение людей, на магию схватки. Это была первая школа, куда я пришёл сам и сам упорно работал до самого конца, до того момента, как сенсей уехал. Не повлиял ни запрет матери, ни собственная робость – работал.

– Ну и как оно? Японо-дзютцу твоё? – спросил начсмены.

– Интересно, – осторожно отозвался я. И хмыкнул: «будто сам сейчас не почувствовал!»

Чахлый улыбнулся:

– Да, не. Я про тактику.

Я прошёл пару шагов, прежде чем сумел сформировать внутри ответ. Такой, после которого вопросы прекратятся. И решил, что лучше всего подойдёт этот:

– Учитель говорил, что важно только одно правило.

– М?

– Дай дорогу дураку, – буркнул я и замолчал.

Объяснять на пальцах я не умею и вряд ли смогу передать, что самое главное не приёмы, а умение сливаться с рывком врага. И уж тем более не сумею рассказать о том, как морозит нутро, когда ты вкладываешься в удар, стремясь проткнуть кулаком хребет тщедушного старика перед собой, а через мгновение видишь его наклеенную улыбку и тебя затягивает в темноту вихря падения. Это – личное. Настолько личное, что даже умей я трепать языком – всё равно не получилось бы.

Чахлый поглядывал на меня искоса и усмехался.

До плаца дошли, больше не проронив ни слова.

– Пошли, покажу «объект», – откинул сигарету Чахлый.

Мы вышли к впечатляющему котловану.

– Тут, – Чахлый махнул рукой. – Уйма труда ушла. Горы, едрит их налево. Плоскости нет. Тут инженеры почвы щупали, где будет возможно скрыть. А всё равно – взрывать приходится. Вон, глянь...

Я взял предложенный бинокль и посмотрел на дальнюю сторону. Уже при незначительном увеличении стали хорошо видны и люди, копошащиеся на склоне, и машины.

– Профессору приходится докладывать перед каждым взрывом, – усмехнулся Чахлый. – У него техника работает, фиксирует любой чих. А, в общем – дела движутся. В конце недели руководятели столичные приедут глянуть, потому сейчас пузо рвём, торопимся.

– Понятно, – отозвался я, разглядывая в бинокль «объект». На стройке работали, в основном, узкоглазые и было видно, что работали из-под палки. Несколько десятков бойцов охранения с оружием наперевес стояли возле специалистов, то ли прорабов, то ли инженеров, которых отличала более-менее опрятная форменная одежда и то, что в общий гвалт они не лезли.

– Это кто?

Чахлый всмотрелся.

– А... Эти? Прорабы. Тоже из обезьян, но цивилизованные. Они, как мы, по контракту.

– А остальные?

Он пожал плечами:

– Да кого как набрали. Тут народу несколько сотен, что ж, каждому бумажки на подпись подсовывать? Первую партию, помнится, просто набрали – прошли прорабы по бомжатникам и насобирали на раз. А чего не набрать? Если домики, жрачка – халявные, не надо думать, где слямзить и каких звездюлей огребёшь за это. И деньги ещё заплатят.

Я кивнул – понятное дело, что этим обезьянам большего и не надо, да и не наработают они на большее, халтурщики и дармоеды. А потом вдруг понял, что и сам купился на то же самое в предложении Костяна. Ну и плюс к тому свежий воздух, тишина, тренировка и неплохой кусок валюты по окончании.

– Ладно, пошли дальше, – махнул Чахлый.

До позднего вечера у меня хватало дел на «объекте». Чахлый таскал меня по всем уголкам, показывая, что да как. Я посетил и вышки, которые вблизи оказались весьма шаткими конструкциями, скрипящими под каждым шагом так, что меня всё-таки попросили слезть с лестницы, зашёл в бараки охраны, глянул, как мужики расположились, и чуть не сорвал с непривычки дверь с петель, узнал, где сейф с оружием, когда приходит-уходит машины обеспечения и инкассации и когда дают питание.

Последней точкой стал заход в бараки рабочих. Что я, будок собачьих не видел, что ли? Но надо осмотреться – значит, будем это делать последовательно и полностью.

В бараках и днём, и ночью горят тусклые жёлтые лампочки, заляпанные трупиками комарья. От входа в обе стороны тянется единое помещение, заставленное нарами. Смерд. Грязь. Нищета. И всё.

Я шагнул внутрь. Тяжёлым тошнотворным запахом ударило в лицо.

– Да нефиг, – поморщился Чахлый: – В дерьмо-то лезть... Посмотрел и сваливаем отсюда.

Но тут раздался тихий вздох в углу. Ага... Кто-то халтурит?

Мы с Чахлым переглянулись. Суровая морда начсмены стала каменной – хоть ножи об неё точи. И я пошёл внутрь. Надо ж отрабатывать денежки.

Кто не спрятался, я не виноват!

Возле одной из постелей стояла грубо сколоченная табуретка, на ней – миска с перловкой и стакан воды под тонким ломтём хлеба. А на первом этаже двухъярусной кровати под грязным шерстяным одеялом лежал человек. Глаза сомкнуты, дыхание рвано колыхает грудь, по лбу катится пот. Лежал он полностью одетый, но узнал я его только когда наклонился почти к самому лицу. Вчерашний боец. «Батыр» по-ихнему. На плече белел свежий бинт, прихватывающий проволочную шину.

– Емель? Что там? – позвал от дверей Чахлый, в защиту от спёртого духа барака раскуривая очередную сигарету.

Я выпрямился:

– Большой.

– А... Ну, айда отсюда!

Да, нужно убираться. Только вот... Нехорошо на сердце. И не потому, что я поломал, нет – не первый он и не последний. Нехорошо, потому что... Неправильно, несправедливо. Потому что восемь лет назад из нищей промёрзшей коммуналки с отключенным за неуплату светом я убежал на заработок на улицу. И мне всё равно было – что делать, кого бить. Как этому мужику... А теперь? Чем мы разные?

Я вытащил из кармана и положил на хлеб комок сахара, жёлтый, от влаги спекшийся в бесформенный айсберг. И ушёл тихо, чтобы не потревожить.

До станции добирался в задумчивости. Да и Чахлый, пожёвывая соломку, не торопился с выводами. На плацу собирались разойтись: он к административному зданию – там на втором этаже квартировал, – я к себе, в подвал станции. Но не успели ударить по рукам. Чахлый вдруг остановился, замерев с протянутой ладонью и медленно повернулся в сторону котлована.

«УАЗ» вылетел со стройки, ревя форсированным движком. Он ещё не остановился, а со стороны пассажира открылась дверь и выскочил боец.

– Командир! – захрипел он бронхитным прокуренным басом. – ЧП!

Чахлый кивнул мне и быстрым шагом добрался до машины. Нырнул в проём, обернулся, прежде чем захлопнуть дверь:

– Договорим! – и махнул водителю: – Давай!

Я проводил быстро удаляющийся «УАЗик» взглядом.

Собственно, Чахлый мне понравился. Тёртый мужик, но не утерявший романтизма в душе. Наверняка, войной не раз поддетый, до нутра взрезанный, и жизнью об асфальт не раз приложенный. А всё же что-то такое оставалось в нём живое, подвижное. И даже его маска угрюмости понравилась – выверенная, строгая, словно выросшая на лице. Не то, что у меня! Про мою «физию» друзья постоянно шутили, что «Иванушки-дурачки на земле русской не перевелись».

От делать нечего, решил-таки прогуляться по территории, познакомиться поближе, уже без экскурсовода.

И направился к той стороне, где, недалеко от дороги бетонный забор приближался вплотную к лесу. Кроны многовековых вечнозелёных деревьев нависали, словно тучи цвета морской воды, зацепившиеся за стволы и оставшиеся тут. Тёмные, пушистые, ветви с огромными иголками просовывались через дыры в бетонных плитах лапами неведомых зверей. И хотелось подойти и поздороваться. Но, дойдя, я понял, что попросту не дотянусь – ветки висели выше моего роста – только пальцами и удалось погладить снизу щетинистое брюхо. Иглы оказались тонкими и длинными, как не бывает в моей родной местности. А запах, шедший от леса, одуряющее шибанул в ноздри. И, разнежившись от невероятных ощущений, я сел в тени на скудную травку, привалился к забору спиной и замер, закрыв глаза. Костян был прав – тут было хорошо.

Спокойно. Никто не бегают, не суетится. Не дёргают – надо туда, надо сюда. Нет ни докучливых фанатов, ни озверевших менеджеров и журналистов. А самое главное – нет пустоты. Как вспомнишь квартиру, в которую нужно возвращаться каждый вечер и подкатывает к горлу комок. Осиротевший домик из однушки переделанный в двухкомнатную, где и мне и маме хватало по маленькой коморке. Мать так хотела, чтобы у меня появилась девушка, и всё считала, что мешает мне в этом. Будто не было иных причин, чтобы не таскаться за юбками! Но всё же я её желание уважал и, как мои рабочие руки подросли, мы и замесили раствора и из набранных по стройкам досок соорудили перегородку. А когда матери не стало, я первым делом свалил её. Нет, не кувалдой. Руками. Просто вернулся с похорон и уткнулся взглядом в эту стену. В дешёвых розовых обоях и с картинками-вышивками с двух сторон от старого светильника. Упёрся лбом и начал колотить. Руки в кровь, а стену снесло. Я сидел посреди белого тумана, уперев кулаки в колени, и смотрел, как по брючинам стекает кровь. И мне было всё равно. Я знал, что не могу быть в доме, который каждой складкой штор, каждой тенью в углах, каждым вздрагиванием секундной стрелки на старых часах – напоминает её. И кажется в любой миг услышишь тихие шаги, в любой момент на плечи опустятся мягкие руки...

А здесь хорошо. Время идёт, как и должно ему двигаться – размерено, со скоростью черепахи, делаая век жизни долгим, наполненным и утяжёлённым ощущениями и размышлениями.

И из этого состояния меня выдернул надвигающийся гул.

Машины приближалась сбоку, где проходила дорога и стоял контрольно-пропускной пункт из шлагбаума, двух решётчатых щитов, прислоняемых охраной к нему на ночь, и бойца с автоматом.

Я приоткрыл глаза и взгляделся. К зоне подъезжали бортовой грузовик с тяжёлой тупорылой кабиной и новенький «УАЗ» старой модели. Автомобили подкатили к КПП и их тут же пропустили – видимо, управление «Кастро» не особо нуждалось в формальностях, тут все друг друга знали в лицо. И доверяли.

Грузовик подъехал к площадке перед бараками, а вот «уазик» проехал дальше, к административному корпусу. Его встретил сам команданте, по такому случаю спустившись из своего кабинета, и Ворон. Из джипа выскочили двое парней в комуфляже с диковатыми внимательными взглядами, а за ними молодцеватый юноша в костюме, с дипломатом в руках. Юноша поручкался с «Кастро» и они живо скрылись в здании. А двое телохранителей открыли багаж-

ник и принялись выгружать ящики на землю. Ворон принимал их, передавая кому-то из своих людей.

Бухгалтерия и водка, – сообразил я. Больше ничто так трепетно и серьёзно не ожидают. Всё, что тут людям важно. Мне это было неинтересно, и я переключился на вторую машину.

Грузовик, вставший на площадке, не подавал признаков жизни. Водитель, открыв дверь, философски развалился на креслах в ожидании.

Когда из барака охраны выкатил Чахлый, стало ясно – что он ждал. За Чахлым тянулось четверо охранников с дубинками в руках, все они, как младшие братья, копировали походку своего командира. Шли вразвалочку, бросая угрюмые взгляды. Чахлый кивнул подскочившему водителю и прошёл к закрытому кузову. Сдёрнул замок, отворил борт и, по-молодецки легко взлетев наверх, распахнул тент. И, оглядев содержимое, брезгливо показал на землю. Но люди, сидящие в кузове – несколько десятков грязных, неопрятных тел, слежавшихся за время пути в единую массу – только теснее вжались друг в друга.

Чахлый сплюнул и пригрозил.

Но люди только крепче стискивали сцепленные руки.

Начсмены пожал плечами и прыгнул. Закурил, привычно щурясь на огонёк, и кивнул своим бойцам на машину. Мужики рванули внутрь. И там, в тени кузова, началась потеха. Бойцы били дубинками по спинам и плечам, расцепляя руки и выталкивая прибывших из машины. Вышвыривали на землю, а там их уже принимали их товарищи, сгоняя сброд в один строй – нечёткий, мохнатый от избытка драных лохмотьев и всклокоченных волос, и шатающийся от усталости и долгой дороги. Через несколько минут возле машины уже стоял строй. И я удивлённо приподнялся, пытаюсь пересчитать людей. Получалось много. Как в том анекдоте про «запорожец», пьяных мужиков и гармошку. Как же столько смогли забить в кузов?

Но Чахлого это не интересовало – не впервой. И проходя перед строем и хмуро раскуривая уже вторую сигарету, явно, чтобы перебить запах от невымытых месяцами тел, он только осматривал прибывших. Иногда командовал – кого-либо выгоняли из строя и он самолично оглядывал, осматривая со всех сторон, словно раба или диковинку. Оно и понятно – тут не всякий выдержит на стройке, а надо было решить – кого и куда направить. Кому камни таскать, кому раствором заниматься, а кого проще на кухню отправить кашеварить. Чахлый с этой задачей и справлялся.

Потом махнул рукой и грузовик, живо заведясь, рванул с территории, оставляя пыльный след над дорогой. А людей погнали к площадке сбоку от бараков. Там, вкопанными в землю, стояли бочки.

Чахлый скомандовал что-то, показывая на бочки, и отошёл.

Толпа застыла, недоверчиво скукожившись. Бойцы подождали пару мгновений, пока начсмены уйдёт, присядет на капот джипа, да и людям дали время самим решиться на купание, но, поскольку никто не захотел проходить санитарной обработки по своей воле – опять взмахнули дубинками и погнали сброд в бочки.

Люди вопили, суетились, пытаюсь и избежать вынужденного купания и ударов дубинки, но постепенно приближались к бочкам. В конце концов, бойцы загнали их и принудили обливаться. Как были, в одежде, мужчины – от подростков до стариков – махали на себя пригоршнями воды и стояли грязные, мокрые, вздрагивающие от нервозности и оглядывающиеся на охрану.

Чахлый, сплюнув сигарету, закинул в рот следующую и кивнул бойцам. На площадь вынесли брезентовые мешки, кинули под ноги сброду. И приказали переодеваться. Открыли мешки, вывалили одежду: в одном лежали штаны, в другом рубашки, в третьем ватники, шапки, шарфы. И недомерки, поверив, наконец, что ничего дурного не случится, начали суетливо стягивать с себя мокрые шмотки, обтираться ими, словно мочалками, а закончив это

неожиданное умывание, бросились переодеваться. Одежда липла на влажное тело, окомковывалась тяжёлыми складками, а охрана подгоняла, торопя.

Вскоре всех переодевшихся уже гнали в барак.

Вот так, оказывается, тут принимают на работу.

Я хмыкнул и почесал ухо о плечо. Чувствуется, что у них технология уже отработанная. Странно только, что после недомерки снова становятся такими грязными. Раз в месяц, что ли, у них тут «купание красного коня»? А надо бы почаще.

На крыльцо вышел Брынза – суетливый, нервный – и я стал наблюдать за ним. Уж больно он оглядывался много. А тот подступил к «уазику» и заглянул в окно к водителю. О чём уж они там говорили – не знаю, только вскоре Брынза отступил. И в руках его кирпичиком в мешковине лежал свёрток. И, всё также воровато оглядываясь, он живо сунул его за спину, скрывая от Чахлого, и тут же ретировался в административный корпус.

Жратва какая-нибудь эксклюзивная, – понял я. – Пончики какие или балычок. А то и буженинка. То, чего здесь недостаёт. Чего ещё толстяку для счастья нужно? Только залезть под одеяло и хомячить в одиночку.

Чахлый, убедившись, что новеньких разогнали по баракам, несуетно встал и утопал к себе. И на площадке стало тихо и мирно, как до того. Шоу кончилось.

Я привалился затылком к бетону стены – солнце уже совершило половину своего пути по небу и теперь клонилось к закату. Всё гуще становилась тень, в которой я нашёл себе место для отдохновения. Уж начал чувствоваться холодок иногда прилетающего ветерка и пришлось запахнуться в рубашку плотнее. Клонило в сон, видимо от акклиматизации, и я, скрестив руки, замер, надеясь подремать на свежем воздухе.

Проснулся от того, что за стеной послышался треск ветвей.

Дёрнулся, подбираясь.

Тигр?

Осторожно, чтобы не шуршать, глянул в щель.

Профессор, воровато оглядываясь, шёл вдоль забора. В серо-стальном анорাকে и такой же балаклаве я его сперва не узнал, но он оглянулся и взгляд оловянных глаз под набрякшими веками тут же выдал его. Я подумал окликнуть старика, но остерёгся – мало ли у него дел по ту сторону забора.

Меж тем, Рашид Джиганшевич, не замечая чужого присутствия, остановился в паре шагов от щели, где я выглядывал из затёмнённого угла, и начал ждать. Он оглядывался, суетливо потирая руки и перебирая пальцы. И, когда тёмная фигура подступила из леса, он радостно приветствовал её.

Я прижался к щели ближе, подглядывая странную встречу.

К профессору подошёл не менее пожилой азиат. И мне сразу стало понятно, что это – японец. Не то, чтобы я их много видел, но пару раз приходилось – навещали наш зал мастера из страны Восходящего Солнца и скоростных авто. Так этот был очень похож на них. То ли статью, то ли маской неудовольствия на роже.

Старики вежливо обменялись поклонами и после обнялись – соблюли и восточный этикет и западный. И начали тихо разговаривать. Но из всей их беседы я слышал только несколько различных слов. «Бегемот», «Ваевский», «график», «корреляция» и «Хонсю». Остальное проходило мимо слуха – то ли нерусское было, то ли слишком тихо говорили.

Профессор незнакомцу отдавал по одному какие-то свёрнутые вчетверо листы, тыкал пальцем в схемы, негромко объясняя что-то. И его собеседник хмурился всё больше и часто-часто кивал головой, словно фарфоровый болванчик. После старики снова обнялись, пришлый спрятал на груди листы и, попрощавшись, ушёл. Судя по шуму, в лесу его кто-то ждал, и дальше они уходили вместе.

А Профессор несколько минут смотрел вслед ушедшему. Плечи его были опущены, а спина сгорблена. Лишь когда шум уходящих в лесу стих окончательно, он развернулся и, оглядываясь, снова пошёл вдоль забора. Видимо, возвращаться на станцию.

Снова привалившись спиной к забору, я покачал головой. Вон, ведь, какой детектив тут получался. Профессор-то, оказывается, с двойным дном оказался! Некоторое время я неспешно соображал над моральным выбором – доложить об увиденном Чахлому сразу или погодить, и в конце концов победила лень. Я снова привалился к забору и закрыл глаза ещё на полчаса.

В небе солнце пошло на убыль, стало холодать и мне явственно захотелось есть. Вот только – где искать тут съестное, я пока не знал. И, поднявшись, и встрепенувшись, зашагал к административному корпусу. Дежурным оказался Череп.

– А, Емель, – он потянулся на стуле, опираясь на тревожно затрепавшую спинку. – Ты чего рыщешь?

– Жратвы, – прямо сказал я.

– О! – задумчиво протянул он. – Сейчас сообразим. Палыч!

Из-за шторы входа подсобки выглянул пожилой боец в добротном камуфляже.

– Ась?

– Батыра бы нашего накормить бы, – улыбнулся Череп. – А то он с голодухи и своих рвать начнёт.

– Не начну, – угрюмо ответил я.

Но меня уже не слушали.

Палыч махнул мне и я пошёл к нему.

Подсобка – огороженная досками и шторкой часть рекреации под лестницей, – оказалось тесной и мутной. Свет давал тусклая лампочка, висящая на оголённом проводе под потолком. А запах стоял табачно-сивушный, отбивающий всякую охоту тут находится. Кургузый стол, сколоченный из досок на скорую руку, лавка и притащенный, видимо, из лаборатории, комод

На горелке Палыч живо подогрел тарелку чего-то скользкого и мясного. И, обжигая пальцы и отдуваясь, поставил передо мной на стол. Сунул кусок хлеба и отошёл в уголок к шторке, расположившись на стуле и прихватив журнал «Техника молодёжи» за восемьдесят лохматый год.

– Что это? – задумчиво копнул я ложкой.

Палыч отвлёкся на миг, поправляя очки на переносице:

– Пюре из картошки импортной да рыба какая-то, – пожал плечами он и подмигнул: – Главное, много.

Это точно. Еды оказалось в самый раз. Но её вкус вынудил копать в тарелке, зачёрпывая по чуть-чуть, и силком заставляя себя глотать. Так вот как живут тут рядовые. После начальственного стола – совсем не фонтан.

А после ужина как-то неожиданно оказался вечер и на площадке загорелись фонари, импровизированно сооружённые из обычных лампочек, притороченных за провода к крыше административного корпуса. Закончила греметь стройка, но вместо ожидаемой тишины, по лагерю заметались гул и гвалт.

Палыч выглянул в окно и вздохнул:

– Ну вот... Ещё одна свалка будет. – И покосился: – Иди, что ли. Всё равно сейчас позовут.

Я поднялся:

– Спасибо за хлеб-соль. Где помыть-то?

В ответ Палыч раздражённо махнул рукой:

– Иди ты, тут работников много – найдётся кому.

И я вышел.

Люди толпились молчаливой массой. И виделись мне они подобными детскому пластилину. Будто кто-то огромный взял коробку, распотрошил и все слепил в единый цветастый комок – без смысла, без цели – где взгляд рыщет по смазанным неровным линиям, в попытке рассмотреть знакомые очертания, а сознание пытается распознать, что скрывается за предложенной абстракцией. Так и тут. Толпа, словно смятая масса, где едва различались разномастные рожи, чумазные тела, в неопределённого цвета разводах грязи и пыли на робах, мельтешила передо мной, ходила ходуном от внутреннего напряжения. И цепь автоматчиков вокруг ощущала это бурление смятого в ком пластилина: бойцы орали, надсаживая глотки матерщиной, били прикладами, загоняя тварей в единую массу, и иногда выпускали в воздух очередь-другую для остротки. А во втором ряду охранники едва сдерживали поводки овчарок, беснующихся перед морем воняющих тел.

Но Кастро, как и положено истинному команданте, смотрел на всё это молча. Он снова стоял на крыше своего джипа и, скрестив руки на груди, угрюмо рассматривал броуновское движение у своих ног. Ему было не привыкать. А вот меня, как и вчера, заставило насупиться и обилие немых тел и какофония криков, выстрелов и лая.

Чахлый подошёл сзади неприметным мягким шагом и встал рядом.

– Жди чего поинтересней, чем вчера, – негромко предупредил он. – Сегодня свежее мясо прибыло. И они явно нашли тебе орешек покрепче. Следи за зубами.

Я сообразил, что это вроде шутки такой, но отвечать не стал. Толпа, взвинтившая сама себя до предела, наконец, разродилась движением, и стало видно, что сквозь людской поток пробирается человек. И всякий хочет дотянуться до него, словно благословляя на удачу, или даруя частицу своей силы.

Уже издалека стало видно, что он на голову выше других. Что его плечи обхватить здесь рискнул бы не каждый вояка, не то что малорослики. И что он не привык сутулиться или клонить голову.

И воздух между нами принялся густеть.

Всё стало ясно и я начал демонстративно медленно стягивать с плеч куртку и рубаху.

Я ожидал, что это будет казах или какой иной узкоглазый, в каком народе порой рождаются такие переростки, но, когда противник подошёл ближе, увидел, что ошибся. Да, его глаза прикрывали сверху тяжёлые набрякшие веки, создающие контур тонкого миндального ореха, но кожа лица на удивление отливала не жёлтым, а, скорее, бронзовым. Таким, что казалась подобна тёмному лику икон. Я всмотрелся, но нет, не пыль на роже, – и руки, и шея «батыра» смотрелись коричнево-золотыми, и такими необычными для широкого плоского лица и монгольского разреза глаз, что назвать – к какой народности он относится, я не смог бы. Для меня все они – луноликие дети Азии – казались на одно лицо. Но вот ещё удивительная черта – угрюмости поединщика мог бы позавидовать и сам Чахлый. Почти по-брежневски сросшиеся над переносицей густые брови, пересечённые коротким старым шрамом, идущим от середины лба до носа, создавали ощущение вечной хмурости.

Наклонившись с крыши джипа, Кастро всмотрелся в мрачного крепыша. Тот на него взгляда не поднял. Как встал в центре круга, расфокусировал взгляд, прикрыв веками застывшую в тёмных радужках тяжёлую ярость, так и стоял, не шевелясь. Коменданте, удовлетворившись осмотром «батыра», крикнул и привычно огладил бороду.

– Хорош! – усмехнулся он и глянул на меня: – Ну, что, Емель? Давай!

Сейчас... Давалку расчехлю только...

Я стянул футболку, повёл плечами, разгоняя по мышцам кровь, и шагнул в круг.

«Аминь. Твою мать!»

Мой противник раздеваться не стал. Как был в гражданской камуфляжной форме, в такой же, как тысячи рыбаков по всей стране носят, так и остался. Мне даже показалось сперва, что он не заметил, что перед ним встал соперник. Но потом я поймал его взгляд –

из-под опущенных век, тяжёлый, ждущий – и морозцем прихватило спину. Такое уже было в моей жизни. Разок осенила меня шутница-удача встать против бойца какой-то сугубо семейной клановой школы малазийской. Такой же замороженный взгляд, такое же демонстративное отсутствие движений и предельная концентрация внимания. Почерк такой же, да только вот народность не та. Да и откуда бы тут адепту малазийской школы быть?

Я пожал плечами сам себе на размышления, и двинулся вперёд. Ведь ясно, что «батыр» с места не сойдёт. Шёл, вприглядку пробуя противника и соображая – с кем судьба столкнула: с бойцом или борцом? Подчас такое видно сразу. У кого прыгучие ноги и руки, словно подвешенные, – стопроцентно любит подрыгать ногами и вбивает кулаками, что молотобоец кувалдой, а вот тот, у кого об шею ломы можно гнуть, а корпус ходит ходуном при любом шаге – наверняка любитель выломать всё, что возможно, и покрепче садануть оземь. Но стоящий передо мной парень – от силы лет двадцать наскребалось, – похоже, был сделан из другого теста. Короткошей, но при том с сильным торсом, необычно длинными мощными руками и явно прокачанными бёдрами. Что от такого ожидать – пока не начнёшь, не поймёшь, с чем его есть.

А вокруг в едва прерываемой шёпотом да напряжённым дыханием тишине ощущалась тревога. Недомерки не скрывали волнения – ходило ходуном море немых рож. А охрана споро перетаптывалась по краю площадки, поводя плечами, словно самим тут работать. И только двое оставались спокойными. Кастро на джипе по-хозяйски лениво шурился на происходящее у его ног. И Чахлый примостившийся на капоте, скрестив руки на груди, мерно дымил сигаретой, с интересом наблюдая за моим противником. На меня ни тот, ни другой не смотрели. И правильно.

И я отрешился от окружающего. Пусть ревет толпа. Пусть молчит. Пусть не существует. Есть только тот, кто напротив. И одна площадка на двоих.

Ещё шаг, и веки парня дрогнули и открылись. Лицо исказилось звероподобной гримасой.

А меня пронзил огонь!

Тёмная громада влоб...

Смазанный скоростью удар...

Боль...

Земля приближается...

Каблуками по мясу...

Бешеная пляска противника...

И словно пространство передо мной схлопнулось, сворачиваясь, как бывает, когда бьётся на холодном ветру мокрая простыня. Ударило по лицу воздухом, заставило подавиться вдохом и...

Парень единым прыжком перемахнул площадку, летя на меня. И на пределе видимости махнул ладонью в основание шеи.

Не отшатнулся бы – слёг с переломанной шеей. Но судьба миловала. Судьба, да тайное умение предчувствия.

И узкоглазый, промахнувшись, пролетел ещё несколько метров и приземлился на корточки. Обернулся – лицо смороженное в нечеловеческом оскале. Сгорбился, словно оборотень в лунную ночь. И, опираясь на руки, ударил ногой. Снизу вверх, лягая как заправская лошадь. Я лишь руки выставил – по предплечьям словно стержнем штанги заехали – и отшатнулся. Второй удар прошёл уже мимо.

«Оборотень», не поднимаясь, крутанулся по площадке, старыми берцами взрывая землю так, что мелкое крошево полетело брызгами во все стороны. И тут же скакнул в воздух, подлетая чуть ли не выше собственного роста. Я прынул от тяжёлого удара ногой в прыжке. Попытался перехватить – куда там! Быстрее пули воздух передо мной разорвали две крепкие ладони, и пришлось тут же вновь наглухо закрыться в обороне.

Он вниз и по земле почти, вращаясь, рванул по кругу. Я – вослед, выцеливая. Метается тёмное пятно – ни ударить, ни схватить! А вокруг подвывают, свистят, потрясают кулаками, надрывая глотки в выкриках. Толпа беснуется, как всегда, требуя крови, требуя зрелищ. Досада взяла – и лоб сморщила, и рот оскалила. А «оборотень», – сучий порох, – словно на вечном двигателе под сиделищем, не останавливается.

Только я рванулся ближе, как грудь опалило огнём.

Сознание уже чувствовало, видело, —

Тёмное пятно...

Удары в голову...

Круги перед глазами...

Локтём в висок...

И приближается земля...

но тело уже не успевало среагировать.

Тёмное пятно – размазанный движением в бесформенную кляксу «оборотень» – скакнуло, подлетая ближе, и... перекошенная тёмно-рыжая рожа вынырнула из пучины прямо перед носом. Я выкинул руки, но поздно, поздно! – дунц-дунц! дунц! дунц! – как под комбайн попал. Рёбра ладоней, словно тяжёлые серпы, пробили в голову. Раз! Два! Три! И – ткнули в грудь калёными пальцами.

Задохнулся от жара в носоглотке. Нырнул в сторону, не глядя, на удачу. И, шарахнув пару раз по тёмному силуэту, разорвал дистанцию.

Встал, фокусируя взгляд. Белые мухи кружили, словно пушистый снег в морозный день...

«Оборотень» сидел в дальнем краю круга. На корточках, словно заключённый, но такой поджатый, заведённый, что опасностью веяло и за восемь метров. Он смотрел на меня исподлобья, будто в горло целился, и на оскаленной роже расплывалась усмешка. Он уже чувствовал, что выиграет.

Я тронул нос – хрящ вроде стоял на месте, но кровь обильно лилась липкой жижей, так что дыхание запырало. А с открытым ртом, как выброшенный на берег карась, особо не побегаешь. Обтёр испачканные пальцы о живот – стылым красным мазком остался след. «Оборотень» ощерился, весело щурясь на меня. Что ж... Ты своё показал. Теперь моя очередь.

И прочистив горло, я сплюнул под ноги красным.

Аминь! Твою мать!

И рванул на «оборотня».

Тёмный силуэт мелькнул, уходя вправо за бьющую руку. Но всё-таки я зацепил его! И тут же с разворота ударил ещё. Ещё! Но добротная связка прошла мощными ударами пустоту. «Оборотень» уже мелькал в дальнем краю круга. Вот моль! Твою мать!

Я не отступил. Рванул следом. И заработал, словно механизм, – левой, правой, ноги, руки. Дозируя дыхание и гоня кровь глоткой. Узкоглазый мотался прямо по курсу, пытаюсь то метнуться мне за спину, то прыгнуть, то ударить, прорвав мои руки. Но я уже упёрся – не уйдёшь! На каждый его финт приходилось по несколько ударов. И я доставал. Не всегда полновесно, но доставал. Бешено шёл вперёд и молотил, молотил, молотил... Хватая воздух ртом и выдыхая с кровью.

Тёмное пятно металось перед взглядом – едва успевай ловить в прицел.

Но вот под кулаком хлопнуло. Узкоглазый хрюкнул, давясь.

Поддалась мякоть под коленом.

Локоть врезался в подбородок.

С ноги вошёл в грудь.

И тело, выдохнувшее кровавую кашу, швырнуло из круга на толпу.

Узкоглазые завопили, закрываясь, затюкано отшатываясь. А «оборотень», раскинув руки, словно спаситель на кресте, завалился на вопящих людей. Рожа окровавленная, смятая. Глаза побелевшие, стеклянные. И с распахнутого разбитого и порванного рта кровь со слюнями течёт в два пузырящихся ручейка.

Готов обезьяна.

Я с силой выдохнул носом – красные брызги рванули в стороны, разгоняя белых мух.

А за спиной уже подлетали, вопя от радости, свои. Обступили, облапили. Кто-то схватил за локоть, толкая мне руку вверх, будто на ринге.

– Е-ме-ля! Е-ме-ля! Е-ме-ля! – скандировали бойцы.

– Эта! Ты – зверь! Во!

– Кувалда!

– Ну, твою мать... Здоров!

Все что-то кричали, что-то хотели от меня – то ли тут же сейчас же выпить, то ли куда-то срочно бежать. И каждому хотелось хлопнуть меня по плечу, обдавая дурным ароматом, прокричать в лицо, насколько я хорош, или, на худой конец, просто потусоваться рядом и покричать в удовольствие... Люди везде одинаковые.

А я смотрел на уже свалившегося «оборотня» – вокруг него тоже стояли, толкаясь в тесноте, его болельщики. И молчали. Только глаза пришибленные едва поднимались, метаясь в ненависти и страхе. И какой-то старик сидел на земле, пытаясь удержать скользкую от крови голову «оборотня» у себя на коленях, и качался, качался, словно маятник...

Но бойцов вокруг становилось всё больше, теснее ряд, шире круг и вскоре за мельтешением людей вокруг я уже не мог разглядеть ни «оборотня», ни старика. Опустил голову, махнул ладонью по рту – кровь всё не унималась. Взял двумя пальцами за переносицу, ощупал – цело всё. И не ясно, с чего бы так хлестать.

Чахлый хлопнул меня по плечу и люди вокруг расступились, пропуская начсмены.

– Пошли, Емель! – он открыто усмехался мне, но в глазах прыгали чёртики: – Хорош стоять как столб фонарный!

И он повёл меня через толпу – бойцы расступались перед нами. Меня бы одного так, может, и не выпустили бы, пока не напились бы вдрызг.

Кто-то подал мою рубашку и куртку – я накинул на плечи, но застёгиваться не стал, чтобы не запачкать. Нос кровоточил, не прекращая.

Когда уже отошли к джипу, где всё ещё стоял Кастро, довольно пощёлкивая стеком по голенищу и весело щурясь на толпу, я вспомнил «оборотня». Обернулся. Но увидел не его, а Профессора.

Старикан, всё также затянутый в халат с наброшенным поверх ватником, продирался сквозь людей. Мелкий, тощий, замызганный, он пробирался между здоровыми парнями, влезая там, где я бы и не прошёл. И столько было целенаправленности и упорства в его движениях. В поблёскивающих очках, оберегаемой поднятой рукой, в узких плечах, протискивающихся в щели. Я замер, рассматривая его, и вздрогнул – старик прижимал к груди, оберегая в давке, старый чемоданчик с красным крестом на белом круге. И шёл, упёрто продираясь, к «оборотню».

– Пошли, Емель! – окликнул Чахлый.

Пошли, конечно.

Но почему-то на душе стало душно. Словно воздух кто-то испортил.

Мы добрались до административного здания, и один из дежурных вынес нам на порог чайник, мешок со льдом и бутылку водки. Чахлый махнул мне рукой и я, встав у перил и укрепившись в широкой стойке, наклонился, подавая неостывшую голову под струю холодной воды. В распаренной движением шее заломило, но белые мухи, что металась перед глазами после удара в голову, разлетелись из поля зрения.

Махнул на голову футболку, отгёр лысину и глянул на Чахлового. Зарядившись прямо из горла беленькой, начсмены методично рвал на ленточки какую-то тряпицу.

Этка, поднявшись по лестнице, перегнулся через перила и водрузил мне на переносицу пакет с кубиками льда. И я сморщился – саднящая боль полоснула от стылого лекарства. Но в голове стало проясняться. Кивнул бойцу и тот расплылся в ухмылке, и патриотично вскинул кулак, ни на миг не прекращая жевать резинку.

– Давай сюда сопла! – приказал Чахлый.

Поднявшись по лестнице на ступеньку, запрокинул мне голову. Потянулся к переносице, заскользил заскоружеными пальцами по носу, ощупывая кости.

– Целы, – просипел я.

Чахлый кивнул:

– Похоже на то, – и продолжил уверенно: – Но всё равно не помешает. – И тряпицы-ленточки по одной стал заталкивать в ноздри.

Неприятно, конечно. Но не впервой. Тут главное – дышать правильно.

В носу щекотало и остро дёргалось, словно какая змея залезала, и я чуть отвернулся, скосил взгляд, не моргая, уставившись на плац. Там бойцы уже почти разогнали толпу и лишь возле лежащего на земле «оборотня» теснились узкоглазые. Из скинутых ватников сооружали что-то похожее на носилки. А возле самого поверженного батыра сидели двое – старик и Профессор. Мелкий старичок что-то рассказывал, показывал на грудь лежащего, суетливо дополнял свои слова жестами, не рассчитывая, видимо, что сейсмолог поймёт его речь. А Рашид Джиганшевич хмурился, кивал, но продолжал, словно заведённый, делать своё дело – медленно вдавливал поршень шприца, внутривенно воткнутого в локоть, и следил за глазами батыра. И ему не нравилось то, что он видел.

– Давай вторую! – хмуро приказал Чахлый, и пришлось отвернуться в другую сторону.

Когда ленточка, как и первая, плотно забила носовой ход, на плацу уже никого не было.

– Пошли, – позвал Чахлый. – Командир в твою честь выпивку выкатывает.

– Не пью, – просипел я. – Спортсмен.

Чахлый усмехнулся и спросил:

– А так посидишь?

Я подумал миг и покачал головой осторожно, словно стеклянной:

– Неа. Спать пойду.

Начсмены кивнул:

– Давай. Если что нужно будет – дёргай любого. Мне скажут.

– Ага. Спокойной, – выдохнул я и, развернувшись, потопал к станции.

По пути ещё не раз встречные бойцы кричали приветствие, потрясали оружием или вскинутыми кулаками и даже рвались пообщаться и напоить меня до отвала. Но мне с распухшим носом, под холодным пакетом, чуть позвякивающей головой и саднящими предплечьями общаться не хотелось совсем, и я уверенно маневрировал, чтобы избегать особо прилипчивых мужиков.

В станцию ввалился, как вчера, словно в чёрную дыру – никакого освещения и только вдалеке коридора едва мерцающий красный свет тревожных ламп лестницы. Пока дотопал до комнаты номер семь, пакет в руках заметно потеплел и стал мягким, а на месте его прилегания появилось знакомое ощущение отшибленности.

В комнате горел свет – Профессор оставил Тасе включенной настольную лампу и в клетку подкинул опилок с палочками. Шиншилла пыхла, то сама зарываясь в их грудь, то пыталась туда спрятать какие-то камешки. В общем, животина была довольна.

Добрался до постели и устало рухнул на матрацы. Что-то не заладился денёк.

Лежать, впрочем, не получилось – носоглотка заплывала и дышать становилось труднее. Пришлось накидать подушек в угол и сесть на постели, завалив ноги одеялом. Поспать бы...

Но сон не шёл – тело саднило, голова ныла, а нос наотрез отказывался выполнять свои прямые обязанности.

Не вставая, подцепил за лямку и подтащил поближе рюкзак. Вытянул из верхнего кармана-клапана аптечку и добыл блистер анальгетика. Без него сейчас никак.

Значительно лучше после него, конечно, не стало. Но хоть совесть стала чиста – всё, что мог, сделал. Ещё скользила по краю сознания мысль, что зря отказался с мужиками посидеть – всё отвлёкся бы, – но представляя себе пьяные рожи, хмыкающие на мою разбитую морду, и сам себя одёргивал. Всё я решил правильно. А справиться с болью и одиночеством легко. Взял первую попавшуюся книгу из ближайшей стопки Профессора и натянул одеяло по грудь. Итак, что у нас тут?

«Курс теоретической физики» Ландау-Лифшиц тысяча девятьсот лохматого года издания. Потрёпанная книжица, готовая распасться прямо в руках, оформленная в бодром духе советского реализма, со шрифтами всем известной «Правды», буквально просилась в печку. Но. Зачем-то же Профессор сохранял её? Значит, за дряхлостью могла скрываться раритетность.

Я пересилил себя и открыл первую страницу.

Прочёл введение. Кое-что пришлось перечитать, чтобы не потерять нить повествования, но, в общем, всё оказалось не так уж сложно. Сложности начались с первой же главы. При моих девяти классах за плечами мне предлагалось сразу же, с ходу, освоить весьма непонятные математические действия. О части же из них я впервые узнал. На мгновение у меня возникла крамольная мысль бросить чтиво и подыскать что-нибудь полегче, но оглядев комнату и осознав, что за другими книгами придётся подниматься с постели, и не факт, что они будут понятнее, я вновь мрачно уткнулся в страницу. Значит, будем учиться.

Профессор пришёл, когда я неуверенно, построчно, но уже преодолевал первую главку. Зашёл, близоруко сощурился из-под очков и, убедившись, что я не сплю, прошёл к столу и забросил на него чемодан. Стащил и скинул рядом ватник. Потом наклонился и вытянул из ящика бутылку беленькой, а следом старый гранёный стакан. Набулькал и приложился.

Удовлетворённо вздохнул и только после второго глотка повернулся ко мне.

– Интересно? – кивнул он на книгу.

– Нет, – честно ответил я.

– А зачем? – подчёркнуто выделяя слоги, спросил он.

Я пожал плечами и прогнусавил:

– Спать не получается.

И снова углубился в чтение увлекательной строки, в которой были понятны только цифры и пара обозначений переменных. Голова гудела, и глаза почти слипались, но дыхание оставалось тяжёлым, поэтому пасовать перед «Ландау-Лифшиц» я не собирался. Профессор, поджав губы, несколько минут рассматривал меня, а потом, словно сдался, – вздохнул и, потеряв виски, предложил:

– Давайте осматривать хоть...

Я отложил книгу. Наше с Профессором неприятие явно было взаимным, но вот ему хватало силы духа его преодолеть и выполнить свой врачебный долг, а я... А кто, собственно, мне мешает? Нет, будь на его месте сопливый пацан из обезьян или какой нищесбород поганой нации – я бы на это не пошёл. Но старик... Это, ведь, как уже другой человек.словно иной цивилизации. Уже вне споров национальностей. Так ведь?

И я привстал, выпрямился, подавая лицо.

Профессор вдавил очки ближе к переносице и потянулся к моему носу. Его пальцы тронули кожу почти невесомо, словно он и не дотронулся почти. Побежали выше, ниже, захватывая не только нос, но и скулы, виски, челюсть. И, наконец, хмурые складки на лице старика выправились, и он даже слегка улыбнулся:

– Всё намного лучше, чем я ожидал. Давайте-ка, Николай, вытащим всё это.

И потянул за ленточку.

Лучше бы он это не делал. В носу тут же защипало, а на глазах навернулись непрошенные слёзы. И вроде не очень больно, но вот мокнут глаза и всё тут!

– Кровь пойдёт, – предостерёг я гнусаво.

– Остановим!

И флегматично продолжил выволакивать на свет окровавленную и кое-где уже присохшую тряпицу. Я зажмурился и вдохнул поглубже.

Когда тряпки упали мне под ноги, Профессор заставил опустить голову и взяться за нос. Я думал, снова положит лёд на переносицу, но нет – он ухватисто уцепил меня за шею и, тыча пальцами вдоль хребта, словно сваи вколачивая, прошёлся вниз по позвоночнику и обратно. Что-то помассировал, где-то потыкал, а где и пощипал. И вроде нос совсем не трогал, но кровь – вот чудо! – унялась.

– Вот так, – удовлетворённо вздохнул он и направился обратно к своему столу, к бутылке. – А то выискали средство! Теоретической физикой, молодой человек, телесные раны не вылечить. Только душевные.

Я сидел на постели и дышал. Воздух проходил по напряжённым слизистым мягким сквознячком в жаркий день – и так хорошо было...

Профессор обернулся, посмотрел в мои осоловелые от упоения дыханием глаза и, подняв стакан, сказал:

– За науку!

И прикончив остатки водки одним махом, вдохнул:

– И давайте спать, что ли... Мне через час опять к больному...

Он, не раздеваясь, упал к себе на постель и почти тут же захрапел.

А я ещё сидел на постели и думал. Не о чуде – что о нём думать, чудо лишь продукт более высоких знаний. Думал о том, почему наукой можно лечить только душевные раны...

День третий. Дырка бублика

*По-разному роса
[ложится] по утрам
На лист цветущей сакуры
И на перо
воронье...*

Когда проснулся, Рашида Джиганшевича в комнате уже не было. То ли старик проснулся раньше меня и убыл по своим делам, то ли как ушёл ночью к больному, так и не возвращался. Я же спал настолько тяжёлым и глубоким сном, что, кажется, за ночь даже не поменял позы – всё тело затекло и заостенело, став подобным высохшему ломкому рыбьему скелету. Одно радовало – нос дышал как обычно, если не принимать во внимание, что весь свербил от застывшей крови. Отмыться вчера не удосужился, а сегодня приходится мыкаться.

Поднялся, бодро оделся и подошёл к клетке. Тася ещё спала – возраст сказывался, больше спит, чем играет. Но вот что привлекло внимание – в её поильнике плескалась свежая вода, да и корма хватало. Профессор, чаще меня бывающей дома, взял животину под свою заботливую руку. И стал следить за ней с той же тщательностью, что и за когда-то брошенной на произвол судьбы властями аппаратурой...

Почёсывая щетину, в которой скреблись крошки запёкшейся крови, потопал умываться и бриться. Санузел лаборатории – ряды жестяных рукомойников и коробки туалетов – имел только одно зеркало, да и то в паутине трещин и сколов. Но рассмотреть свою физию я смог. Всё – как я ожидал, даже немного хуже. Кожа казалась рябой или поражённой особо извращённой оспой – на ней сидели, цепко прикипев, кровавые брызги. Хорошо, что выскоблил лысину под ноль перед вахтой – хоть там отмываться будет легко. На бои с кровавым душем я тут не рассчитывал.

Отмылся, побрился, и, наконец, вдохнул свежим воздухом.

Теперь – наверх!

Солнце карабкалось в зенит, уже выкатившись белым шариком над восточной грядой. И вокруг разливалась тёплая нега. После холодной воды – просто блаженство. Я перевязал рубашку рукавами на поясе и сорвался в бег. Как бы не было дурно, а без разминки будет только хуже.

Солнышко греет, бег разгоняет кровь по тугим мышцам, камень под ногами трещит... И кажется – век бы так бежал.

Я добрался до плаца, нашёл «свою» бочку, где ещё с вчера устроил площадку. И снова пошёл к КРАЗовской крышке. СанСаныч всегда говорил, что лучше тренировки, чем работа с мечом, человечество ещё не придумало. Меча у меня не водилось, конечно, но его отсутствие вполне компенсировалось арматурой или грифом от мини-штанги – и вес близок, и отдача в руках хорошо дрессирует держать удар. Вот гриф я и привёз с собой, заранее позаботившись о тренировочном снаряде. И, подхватив металлическую палку, принялся махать. Вверх-вниз, пока тело живо – оно должно двигаться!

Профессора заметил сразу. Все – и строители, и бойцы, – обходили облюбованный мной угол, стараясь не попадаться на глаза, а вот он запросто, как вышел из барака, так сразу по кратчайшей и направился ко мне.

– Утро доброе, Николай.

Я опустил лом на крышку и повернулся к старику. Ещё дыхание рвалось, сотрясая мокрый от пота корпус, а руки просили движения, но невежливым быть не следует – старик, всё ж таки. Да и помог он мне вчера здорово.

– Ага. Доброе.

И угрюмо стал ждать дальше. Вся природа моя такая – если просто кулаками помахать, то тут меня и ротой не особо напугаешь, а вот с одним таким интеллигентом поговорить... Видимо, права была мать, что не наговорил своё в детстве, так теперь и не наверстаю. От того и напрягаюсь при каждом разговоре.

У старика лицо было тёмным, с набухшими от недосыпа веками и тёмными кругами под глазами и, казалось, что морщины углубились и стали длиннее, отчётливее. Он прошёл мимо, сел на покрывало, взъерошившись и сунув руки в карманы ватника. Сощурился на солнце, подставляя под тёплый свет лицо, и спросил:

– Как себя чувствуете, Николай?

Я пожал плечами. Живой – иногда этого достаточно.

Профессор не отреагировал. Помолчал, смотря на дальние вершины, и внезапно сказал:

– Пацана в город отправить нужно...

Вот так...

Я ещё пытался убедить себя в том, что пацан этот – вовсе не несчастная жертва обстоятельств, что сам за милую душу меня бы поломал, что бой был честным, и я ничего против правил не совершал. Да и попросту, что оборотень – хрен знает какой нации узкоглазый, а они все, узкоглазые, враги мне!

Пытался убедить, но...

Плечи опустились сами. И внутри, словно холодом выложили органы, как в морге. Я подошёл и сел со стариком рядом. Положил ладони на колени. На коже блеснул пот, пальцы подрагивали.

– Плох? – спросил я, не поднимая взгляда.

Профессор сморщился и коротко кивнул.

Я стиснул кулаки. И увидел, как побелела кожа над суставами, – огрубевшая, толстая кожа. Носорожья. Об такую можно ножи точить. Или ломать жизни...

– Что я... – горло предательски корябалось сухой крошкой, – ...ему?

Рашид Джиганшевич поднял на меня глаза, спокойные, уставшие, словно выжатые за ночь.

– Двухсторонний перелом грудной клетки.

Это значит – удар в центр груди вошёл внутрь, раскрошив суставы или кости рёбер с двух сторон, и теперь грудина ничем не сцеплена с позвоночником, лежит на студне легких и сердца, трепыхаясь с ними в такт, не давая полноценного вдоха и спокойного ритма сердцебиения. Это значит – парень не может прийти в сознание, едва-едва дыша кровавой пеной. Это значит – совсем немного до края жизни.

И тут же вспомнил...

– Машина, да? – прохрипел я.

Рашид Джиганшевич вздохнул и ещё больше съежился, подняв плечи.

– Коменданте не даст машины.

Помолчал, поджав губы, сразу сделавшиеся в профиль схожими с утиным клювом. И продолжил:

– Не даст, если я попрошу.

Он так выделил это «я», что всё встало на свои места. И почему подошёл, когда другие опасались, и почему не пытался просить. Умному достаточно, как говорится. Да и дураку ясно. Даже такому, как я.

Что мне ещё оставалось? Кивнуть да подняться.

Развязал рубашку, стянул с пояса и начал одеваться. Ещё не успевшее обсохнуть тело мгновенно сделало её влажной, а значит позже на добротном флисе будут расплзаться белые разводы от соли. Но всё это такие пустяки, в сравнении...²

Профессор снизу вверх смотрел, как я собираюсь, и молчал. А за стёклами очков стояло привычное оловянное выражение. И так неловко стало, что я нахмурился, кашлянул в кулак и кивнул, словно дело уже решённое и мы обо всём договорились:

– Пойду я.

И, не дожидаясь ответа, потопал через плац к зданию администрации.

В холле первого этажа за столом вроде ресепшена или «дежурки» сидел Ворон. Его голову тяжело было бы спутать. Коротко стриженный чёрный волос с вкраплением седины – словно конь фантастической масти «вороной в гречку».

– Чего? – кивнул он вместо приветствия.

– Командир, – я показал на лестницу. – Там?

– Спит. Вчера хорошо посидели, ещё пару часов будет отдыхать.

Я в нерешительности замер. Поскрёб колючий ежик волос. Сходу решить вопрос не получалось. И как его можно решить иначе готового плана не выстраивалось. Но Ворон спас меня.

– Ты чего хотел-то?

– Машину, – с облегчением выдохнул я.

– Машину?

Он аккуратно закрыл журнал, заложив страницу пальцем, и с подозрением посмотрел на меня.

– Сдёрнуть решил?

– Нет, – я помотал головой. – В город надо.

– Ты ж только что оттуда! Чего забыл – скажи парням, завтра повезут бумаги и прихватят...

– Нет, – я подошёл ближе и наклонился над столом. – Мне сегодня надо.

Ворон выпрямился, откинулся на стуле, закинув руки за спинку, и снизу вверх глянул на меня змеиным немигающим взглядом. Губы сжались твёрдой линией. И тут же взгляд метнулся мне за спину. Мгновение – и Ворон уже стоял навытяжку, короткими рывками оправляя форму.

Я обернулся.

По лестнице спускался Кастро. Неторопливо, даже элегантно. Как всегда подтянутый и аккуратно заправленный. Сошёл легко, пружинисто, будто не прикладывался вчера весь вечер и ночь, отмечая с подчинёнными очередную победу. Подошёл ближе и сходу протянул ладонь:

– Привет, кого не видел! Что у вас тут?

– Да вот, – Ворон пожал протянутую руку и кивнул на меня: – Машина ему, типа, нужна.

– Чего так? – Коменданте удивлённо повернулся ко мне. – Поломался, что ли?

Я вздохнул от необходимости разговаривать и начал объяснять:

– Парень этот... Батыр который... Ему врача надо. Срочно.

Ворон и Кастро посмотрели на меня с одинаковым загадочным выражением. Словно я только что спустился с трапа летающей тарелки и стал тараторить на неизвестном языке.

– А это... – начал первым Ворон. – Золотых костылей ему не надо? Или там подлизать чего особо переломанное, а?

– Погодь, Саш, – поморщился Кастро и повёл рукой по воздуху в неопределённом жесте, – Я разберусь.

Ворон кивнул и тут же предупредил:

² Незаконченная цитата песни М. Щербакова «Ковчег»: «Но всё это такие пустяки в сравнении со смертью и любовью».

– Я, тогда, к Тимке? – и дождавшись кивка командира, подхватил бумаги и ушёл. Мы с Кастро остались наедине.

Коменданте забрался на стол, свесил ноги и потянулся в карман за портсигаром. Задумчиво покрутил в руке сигаретку и начал говорить, так и не закурив.

– Машина, конечно, есть... И выделить её, конечно, я могу... Только как ты это себе представляешь, Емель, а?

Я пожал плечами. Как-как. Город. Больница. Приёмный покой. А может быть как-то иначе?

Он кивнул, словно подслушал мои мысли, а заговорил о другом:

– Вот ты мне скажи, Емель. Почему мы тут? Не знаешь? А ты посмотри вокруг... Когда эту станцию полвека назад ставили, тут заборов не было, колючку не вешали, и работали в духе ударных строек БАМа, выезжая на молодых комсомольцах-добровольцах. А сейчас – времена другие, Емель. Дух человечности умер в России. Сдох хомо советикус, понимаешь? Теперь тут работает шваль. Их и работать толком не заставишь, и если и поработают – сразу в бега идут. А нам тут тоже копейка лишняя возить туда-сюда этот сброд.

Так вот в чём дело! И я поспешил вклиниться:

– Я заплачу.

Коменданте крикнул и поломал сигарету в пальцах. Сбросил сложившуюся вдвое палочку на пол и внимательно посмотрел на меня:

– Нет, Емель, ты не понимаешь.

– Ага, – угрюмо отозвался я. Судя по всему, действительно, не понимаю.

Он достал ещё одну сигарету и снова закрутил в пальцах, словно не решаясь закурить, но не в силах рассуждать без привычного предмета в руках. И заговорил задумчиво, не глядя на меня:

– Этот сброд был набран по всей Россее-матушке. Когда их привезли в город, они все до усрачки были в дым. Мы этот заблёванный, зассанный скот выбрасывали из вагонов, где так смердело, что глаза жгло! Потом на машины – и сюда. И, я тебе скажу, месяц – слышишь: месяц! – каждый божий день их приходилось гнать прикладами на работу. У каждого из них подписанный контракт. Каждый получил свою поощрительную бутылку перед выездом сюда. И каждый – слышишь: каждый! – хочет сбежать. А что будет потом, ты понимаешь? Вот сбежит какая гнида... И что будет? Если мозги мама вложила, то ноги в руки и сдёрнет к родне, схоронится. А если нет?

Я тоже посмотрел на него вопросительно. Кастро невесело усмехнулся:

– Правильно. В город. И трепаться о великой несправедливости. А у нас в стране толерастов полно теперь – демократия в полный рост – и нагрянет сюда толпа с постановлениями и оружием. Вот зачем нам это? Мы тут спокойненько доработаем этот год и свалим. А станция уже будет стоять и никому дела не будет до того, кто, когда и как её строил. Сколько таких объектов по стране стоят памятниками прошлому? Кто задумывается о том, сколько народу полегло на их возведении? А всё потому, что всегда камни ворочать было уделом быдла. Тех, кто не способен на серьёзную работу. И тех, кто попросту не хочет работать. Кто хочет – тот всегда успеет урвать себе работу нормальную, по плечу и по желаниям. А вот такие, до последнего просиживающие штаны, паршивеющие от невозможности выбрать, требующие от государства подачек и пропивающие последние детские пособия – вот такие и оказываются потом у этого края. Им ворочать камни. И в этом нормальная справедливость.

И посмотрел на меня снисходительно:

– А ты говоришь – машина... Привезём этого твоего «батыра» в больницу. А там сразу вопросы – где документы, какого роду-племени, почему тут, а не там, где прописан. А как он поймёт, что его готовы слушать – такого понарасказывает! Такие же не вспоминают о том, что

бумаги подписывали сами, никто не принуждал. И о том, сколько денег только на переброску и оплату уходит! И сразу пойдут обвинения в хрен-знает-чём. Надо нам это?

Он смотрел внимательно, и я отозвался:

– Не надо.

– Вот именно, – он кивнул, что разговор закончен и, сунув сигареты в губы, пошёл на выход, хлопывая себя по карманам в поисках зажигалки.

Вспомнил, как вчера проталкивался к оборотню Профессор – молча, стремительно, безнадёжно. И – не отстал. Шагнул в след и повторил:

– Машину надо.

Кастро остановился. Повернул голову. Вытащил сигарету изо рта и, огладив бороду привычно, двумя перстами, словно выполняя ритуал, глянул остро. И спросил напрямую:

– Он тебе кум или сват? Или и ты толерастией болеешь?

– Он мне соперник.

Кастро скривился, словно собирался рассмеяться, но на полдороге передумал. Во взгляде появилась задумчивость. Сигарета вновь перекочевала на губы. И зажигалка быстро нашлась. Кастро щёлкнул колесом и, прищурившись, посмотрел на синий тонкий огонёк. Вытащил сигарету изо рта и сплюнул на пол:

– Да чёрт с тобой! Дам машину.

– Спасибо.

Кастро махнул рукой:

– Чёрт с вами, спортсменами, сладит! Честь там, дружба, мир, труд, май... Ринги, рефери, гайки в перчатках... Живи пока иллюзиями, пока жизнь нож к горлу не приставила. Может, там сам поумнеешь...

И развернувшись почти по-строевому, вышел. А я, наконец, выдохнул свободно. Всё решилось и теперь оставалось только радоваться. Но радости не было.

Потом сидел на кразовской крышке и, наминая запястья, смотрел, как бойцы подгоняли машину – потрёпанный УАЗик к бараку и оттуда четвёрка китайцев на руках выносила «оборотня» – осторожно, едва дыша, стараясь не тревожить побитое тело. Но всё равно плохо. Мелкие они, а он мужик справный, мне ростом не уступающий. Я бы, наверное, лучше его в одиночку на руках вынес, чем эти малорослики все вместе, но подходить к узкоглазым совсем не хотелось. А потом машина завелась и бодро побежала по грунтовке к воротам. Вот и всё. Моя миссия окончена.

И, словно подтверждая мои мысли, подошёл кто-то из бойцов и позвал в столовую, где завтракала смена Чахлово.

Расположенная на первом этаже административного здания, столовая выполняла функции и кухни, и кают-компании и забегаловки. Но всё было довольно чисто – двое мелких китайчат, лет по четырнадцать, бодро протирали столы за каждым уходящим и носились с тарелками туда-сюда. На меня они лишь подняли испуганные взгляды и тут же сгнули с глаз, скрывшись за стойкой.

Самое Чахлово не было – принимал дела от сменщика. Но бойцы бодро гремели ложками, опустошая заваленные снедью тарелки. Я с маху сграбастал себе двойную порцию и присел с краю, где народа поменьше и угол потемнее. Но всё равно ловил на себе косые взгляды. Кто-то хотел заговорить, но я смотрел исподлобья и отмалчивался, и мужиков это отваживало.

Еда – скорее сытная, чем вкусная, – заполняла голодное брюхо, и хотелось на жизнь смотреть оптимистично. Оттого, сразу после завтрака, вышел на плац и, шурясь на пригревающее солнышко, решил прогуляться по территории. Уже не бегом, и не знакомясь с местными достопримечательностями, а просто так, ради удовольствия двигаться, дышать воздухом и чувствовать, как мир вокруг тебе рад. Хотелось ощутить, наконец, то дыхание Дальнего Востока,

о котором столько романтических песен поют возле костров по всей стране. Хотелось окунуться в хвойный мир, в стылое море, в нещедрое на тепло солнце...

Но не сбылось.

Лязгая траками, громыхая обшивкой и ревя дизельным движком, меня догнал военный вездеход. Эдакая махина на гусеничном ходу! Суровый вид прижатой к земле боевой машины, смотрящей на мир узкими окнами-щелями, казался невероятным здесь. Я рассеянно оглядывал борт, интуитивно разыскивая выступающие стволы пулемётов-автоматов, но всё было чисто.

Вездеход остановился рядом, загремев, словно носорог в лапах. Я уж замер, собрался, не зная чего ожидать, как люк наверху распахнулся и выглянул Рашид Джиганшевич.

– Я по работе, – хмуро сказал он. – Тасю беру с собой проветриться... Вы со мной?

Я ещё раз оглядел суровый борт и понял, что отказать себе в удовольствии поехать на настоящем военном вездеходе, не могу. Не тратя времени, я махнул на подножку и с трудом забрался в кабину. Но как не тесен был вход, а внутри оказалось ещё теснее да, при том, и потолок грозил вдавиться мне в макушку – пришлось сжаться и нагнуть голову.

Я сидел справа, Профессор за рулём, а между нами, на сиденье, в гнездовье свитеров и телогреек, что-то раскапывая, пыхла шиншилла. А я-то думал, она только со мной такая спокойная бывает.

Профессор с места кинул машину вперёд, набирая скорость. Вокруг всё загремело, заревело, засвистело, словно я попал внутрь большой погремушки. Одной рукой держась за металлический поручень, другой прижал к себе Тасю и порадовался, что старушка уже почти не слышит. Какофония та ещё была.

Ехали споро. Мелководную речушку прошли вброд, не тратясь на объезд. Горку взяли так, что казалось, на гусеницах кошки скалолазов припаяны. Не помехой оказывались и пара обрушенных замшелых стволов елей, и завал на дороге. Профессор – одетый в серый таёжный анорак и скинутую на плечи балаклаву – казался воплощением сосредоточенности. Он не отрывался от дороги, а худые руки уверенно держали рычаги.

Как стали взбираться в горку сперва на возвышенности показался посёлок – два десятка ветхих домишек да сельпо – а дальше, за ним – море. Оно ударило по глазам белыми бликами солнца на чёрном атласе волн. Словно ртуть разлилась до горизонта. Могучая, тяжёлая, полная силы, дремлющей под каждым буруном, под каждой складкой.

Профессор повёл вездеход влево от посёлка, напрямиком в лес, а там остановил его только возле небольшой бетонной будки. Заглушил мотор и накинул балаклаву на лицо.

– Останетесь здесь. Я ненадолго, – предупредил он и споро махнул с вездехода. Пошёл к белому зданию, отпер дверь, и скрылся внутри.

Я задумчиво чесал Тасины ушки и размышлял о том, почему заведующий лабораторией живёт один. По всему выходило – не от хорошей жизни. А тут ещё и станция японская...

Вернулся он действительно быстро. Влез в машину, скинул маску и поморщился, поясняя:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.